

ТЕРЕЗИН И ТАЛЕРГОФ

К 50-летней годовщине трагедии Галицко-Русского народа.
Издад протоиерей Р.Н. Самело 1966 г.

Содержание

Сведения об авторе	
1	
Предисловие	
1	Галицкая Русь
2	
Кровавый террор	
3	Бешенный погром в Перемышле
7	
Расстрелы священников на Лемковской Руси	
8	
Терезин	
11	
Великдень в Терезине	
13	Талергоф
14	
Послесловие	
24	
Р.Д. Минович-Литература	
24	

Сведения об авторе

Василий Романович Ваврик, уроженец села Яснище Бродского уезда, родился в 1889 году в крестьянской семье. В Бродах окончил немецкую гимназию и уже на школьной скамье принимал живое участие в культурно-общественной жизни гимназической молодежи. Свирепый 1914-ый год не позволил ему продолжать учебу на юридическом факультете Львовского университета.

Свой “народный университет” прошел Василий Романович в застенках австрийских концлагерей Терезина и Талергофа, где сочинял стихи, посвященные подневольной жизни карпаторусского народа и редактировал подпольные листовки с разоблачением лагерных жестокостей. Первые послевоенные годы посвятил пополнению своего высшего образования; в 1926 году он окончил философский факультет Карлова университета в Праге с научной степенью доктора славянской филологии.

Предисловие

В 1964 году, в 50-летнюю годовщину приснопамятной трагедии Карпато-русского народа, была издана Петром Семеновичем Гардым большая историческая книга под названием: “Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 годов”. Это замечательное и ценное издание должно служить священной настольной книгой каждого сознательного Карпато-русского патриота.

Книга П.С. Гардаго содержит в себе документы, как австро-мадьярские власти пытались насильственным путем вычеркнуть Русь в Карпатах. В ней собран богатейший источник ужасных переживаний страданий, мучений и героических подвигов лучших сынов и дочерей Карпатской Руси на родной земле и в страшных концлагерях. Из них Терезин и Талергоф вошли в историю человечества, как лютейшие судилища, мрачные темницы и застенки массового истребления людей, преступление которых заключалось единственно в том, что называли себя Русинами.

В дополнение к изданной П.С. Гардым книге, выпускаем в свет очерк В.Р. Ваврика под названием “Терезин и Талергоф”, снабженный обильной литературой, собранной библиографом, доктором Р.Д. Мирвичем. Это был главный повод издания очерка, об авторе которого считаем нужным сказать несколько слов.

В.Р. Ваврик - узник Терезина и Талергофа куда был заключен по доносу шовинистаукраинца Ивана Кецко, сельского писаря в Манаеве, Зборовского уезда. Он был тогда студентом Львовского университета. Лично на своей спине он испытал тяжелые удары черной реакции. Он был свидетелем диких оргий обезумевшей толпы, гнусного террора жандармов, полиции и австро-мадьярских солдат.

Видя разбой и беспощадный произвол, в его жилах кипела кровь в Зборове, Золочеве и Львове, накануне его освобождения русской армией, куда его доставили жандармы в цепях. В каземате Терезинской крепости, обрекая себя на тяжелые последствия, он стал писать сатирические листки под названием “Терезинская вошь”, которые затем в Талергофе строго конспиративным путем распространил среди арестантов под названием: “K.k. Internierten lager in Thalerhoff”, “Талергоф в карикатуре” и “Талергофская хандра”; в смешном виде шуточными стихами, смесью русских, польских и немецких слов, где подвергает критике австрийскую каторгу. Все это погибло, единственный номер “Талергофской хандры” находится у П.С. Гардаго.

В продолжении своей литературной деятельности В.Р. Ваврик часто возвращался к теме бесчеловечного надругательства над русской идеей в пределах Австро-Венгрии; его пьеса “Талергоф” обошла многие сцены любительских драматических кружков в галицко-русских деревнях. В ней проведен глубокий

анализ бешеного произвола австрийского режима, с одной стороны, и высокоидейного мужества мучеников, с другой стороны.

Очерк “Терезин и Талергоф” является сжатым изложением документального сочинения, изданного П.С. Гардым, “Военные преступления Габсбургской монархии”.

Цель его: показать читателю Русину в кратком обзоре совокупность насилий и зверств, физического террора австро-мадьярских властей по отношению к русскому населению по обе стороны Карпат и закрепить память о героях-мучениках с несокрушимой волей и верой в победу светлой русской идеи на вечные времена.

Издание настоящего документального очерка посвящаю светлой памяти моей покойной матери, Фекле Андреевне Самело, узнице Терезина.

Искренно благодарю Комитет по сооружению Талергофского памятника в Пушкинском парке на Фарме Рова, в Джексон, Нью Джерси, передавшему мне оставшуюся от пожертвований сумму и помогшему этим издать настоящий очерк.

Филадельфия, 1966 г.

*Протоиерей Роман Ник. Самело
Редактор газеты “Правда”.*

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ В 1914 ГОДУ

Говоря о страшном и кровавом лихолетье 1914 года, надо постоянно помнить, что тогда огнем и мечем решался незаконченный поединок двух рас, славянской и германской. Первую возглавляла Россия, вторую Германия.

Приготовления обеих сторон к окончательной расправе были далеко не равны. Ослабленная японской войной Россия еще не залечила своих глубоких ран, не пополнила своих убытков и утрат на суше и на море. Германия, напротив, с удивительной энергией подготавливалась к решительной битве.

Не уступала ей равно же и Австро-Венгрия, которая примкнула плечом к плечу к превосходству германских военных сил и к расправе с Сербией и Россией. Ввиду того, что монархия Габсбургов состояла из славян, немцев и мадьяр, венское правительство старалось вносить споры, заколоты, национальные, вероисповедные и партийные замешательства в славянские народы. Частично ему это удалось при помощи денег, хорошо оплачиваемых мест и щедрых обещаний. Таким образом, руководящий слой галицкого народа, в начале более- менее однородный, со временем разбился на два лагеря.

Галицко-русский лагерь, стоя нерушимо на славянской основе, неустанно братался с родственными славянскими народами, радовался их успехам, печалился их неудачам и спорам между собою и всю свою жизненную энергию обращал против германской расы и ее нечестивых методов борьбы с соседями. Поэтому вполне понятно, что Австрия, во главе с немецкой династией Габсбургов, старалась всеми силами задавить эту часть галицкой интеллигенции и приостановить ее влияние на народные массы.

Второй лагерь галицкой интеллигенции, взлелеянный венской няней, пошел, отбросив свое славянское родство, наотмашь и наобум, с врагами Славянства и своего родного народа; он проникся ненавистью к братским народам, позаимствовал от германцев методы беспощадного топтания прав славянских племен и даже с оружием в руках устилал трупами своих братьев родную землю. Этот лагерь стал любимцем Австрии и остался ее наймитом до самого развала; даже немцы и мадьяры отошли в сторону, одни галицкие украинцы слепо стояли при Австрии.

В то время, когда славяно-русский табор считал своим священным долгом беречь и отстаивать историческое имя своих предков, имя Руси, озаряющее на протяжении долгих столетий хижину многомиллионного русского народа, лагерь германофильского направления, к большому удивлению самих врагов Славянства, с легким сердцем отказался от своего исторического русского имени, забросал его насмешками и грязью, заменил его областным в Прикарпатье чуждым понятием Украина и вместе с немцами принялся всех и все, что носило печать Руси, преследовать и уничтожать.

Это разделение становилось все шире и глубже, и неминуемо должен был произойти разрыв. С внезапным взрывом войны славянского мира с германским миром разыгрались сцены, о которых одно воспоминание заставляет стынуть кровь в жилах. Сюда, как нельзя лучше, подходят слова Т.Г. Шевченко:

КОСАР

*По над полем иде,
Не покосы кладе,
Не покосы кладе - горы.
Стогне земля, стогне море,
Стогне та гуде,
Косаря уночи
Зустрічають сычи.
Тне косар, не
спочиває, Ни на кого
не вважає, Хоч и не
проси.
Не благай, не проси,
Не клепає коси*

*Чи то пригород, чи город, -
Мов бритвою старий
голыть Усе, що дасы:
Мужика, й шинкаря,
Й сироту кобзаря;
Прыстивуе старий,
косыть, Кладе горами
покосы, Не мына й
царя.
И мене не мыне,
На чужини зотне,
За решоткою задавить,
Хреста никто не
поставыть И не помяне.*

Австро-мадьярский террор сразу, на всех участках, охватил Прикарпатскую Русь. Жажда славянской крови помрачила умы и помыслы военных и мирских подданных Габсбургской монархии. Наши братья, отрекшиеся от Руси, стали не только ее прислужниками, но и подлейшими доносчиками и даже палачами родного народа. Ослепленные каким-то дурманом, они исполняли самые подлые, постыдные поручения немецких наемников. Достаточно взять в руки украинскую газету “Діло” с 1914 года, издававшуюся для интеллигенции, чтобы убедиться в этом окончательно.

Волосы встают дыбом, когда подумаешь о том, сколько мести вылил на своих ближних не один украинский фанатик, сколько своих земляков выдал на муки и смерть не один украинский политик вроде кровавого Кости Левицкого, сколько жертв имел на своей совести не один “офицер” в униформе сатаны Чировского. Не день, не два, упивался страшный упырь Галицкой земли братской кровью. На каждом шагу виден он, везде слышен его зловещий вой. Ужасен вид его.

КРОВАВЫЙ ТЕРРОР

Читателю нужно помнить, что приведенное ниже число жертв - это лишь капля в море общенародного мученичества, слез и крови Галицкой Руси. Стоглавая гидра набросилась на свою беззащитную добычу. В отчаянном страхе метался галицко-русский народ из стороны в сторону и не знал куда бежать. Немцы и мадьяры бесились, как гады, и причину своих отступлений и поражений старались оправдать неблагонадежным поведением и изменой галицко-русского населения. В манифестах и воззваниях военные и административные власти обещали от 50 до 500 крон каждому, кто донесет на русина. На улицах и площадях галицких городов платные агенты выкрикивали: “ловить шпионов! Давайте их сюда на виселицы!” Партийные вожаки, ослепленные мстью, на этот ядовитый клич приходили с добровольной помощью.

И количество крови было чрезмерно обильно!

В деревне Волощине, уезде Бобрка, мадьяры привязали веревкою к пушке крестьянина Ивана Терлецкого и поволокли его по дороге. Они захлебывались от хохота и радости, видя тело русского поселянина, бившееся об острые камни и твердую землю, кровоточившее густою кровью. В деревне Буковине того же уезда, мадьярские гусары расстреляли без суда и допроса 55-летнего крестьянина Михаила Кота, отца 6 детей.

А какая нечеловеческая месть творилась в селе Цуневе Городоского уезда! Там австрийские вояки арестовали 60 крестьян и 80 женщин с детьми. Мужчин отделили от женщин и поставили их у деревьев. Солдат-румын забрасывал им петлю на шею и вешал одного за другим. Через несколько минут остальные солдаты снимали тела, а живых докалывали штыками. Матери, жены и дети были свидетелями этой дикой расправы. Можно ли передать словами их отчаяние? Нет, на это нет слов и силы!

В с. Залужье того же уезда солдаты зверски расстреляли 5 крестьян: Ивана Ковалья, Ивана Михайлишина, Григория Снеда, Станислава Дахновича и Василия Стецька, а в соседнем селе Великополе из 70-ти арестованных крестьян мадьяры закололи штыками: Ивана Олиарника, Семена Бенду, Василия Яцька, Василия Кметя, Марию Кметь, Павла Чабана, которому раньше переломили руки. И этого им было мало! Уходя, они забрали с собой малолетних девочек.

С каждым днем жестокой бойни кровавая работа палачей принимала все большие размеры.

В селе Кузьмине Добромильского уезда австрийцы вбивали в стены хат железные крюки и вешали на них людей. В один день повесили 30 крестьян.

В селе Тростяницы они замучили на смерть Матвея Кассиана, Ивана и Евстафия Климовских и пастуха Дуду.

В селе Квасенине бешенный офицер застрелил крестьянина Павла Коростенского только за то, что тот не сумел ему объяснить, куда ушла русская разведка

В с. Крецовой воле, солдаты повесили на вербе крестьянина Петра Ткача. Все эти ужасы случились в Добромильском уезде.

По доносу жандарма Холявы, в деревне Выгода, Долинского уезда повесили крестьян: Матвея Петрика, Ивана Гайнюка, Осипа Фединяка, Дорофея Сосника, Елену Ковердан.

Вместе с жандармом бушевал в окoliце вырожденец некий Винницкий, ошеломленный “самостийник”, причем он руководствовался в своих ничтожных поступках не так “идеями”, как ненасытной жаждой наживы: кто из арестованных давал за себя богатый выкуп, того он отпускал на волю; у кого же не было денег, тот кончал жизнь на крюке.

На основании приговора военного суда на виселице погибли: Лев Кобылянский, громадский писарь из Синечола, Долинского уезда и Пантелеймон Жабяк, житель того же села, отец 5 детей. Вместе с ними повис на веревке Роман Березовский, настоятель прихода в Протесах Жидачевского уезда, отец 2 детей. За священником и крестьянами не было ни малейшей вины.

В Жолковском уезде не было села, где не заплатил бы жизнью мирный землепашец или работник умственного труда. Австрийская разведка наткнулась на священника Набака, ехавшего из Могилян в Нагорцы. Каратели завязали ему глаза, привязали к дереву и расстреляли его. Не помогли ни мольбы, ни слезы дочери, возвращавшейся с отцом домой. Дьякона закололи штыками. Священника запретили хоронить в селе. Его тело пролежало в поле 5 дней, и только после бегства австрийского полка, похоронил его русский полковой священник.

Вступив в село Передрымихи, мадьяры сожгли весь крестьянский добробыт, не пощадив и школы, и лютыми пытками замучили на смерть: Григория Савицкого Илью Сало, Михаила Лосика, Алексея Казака, Екатерину Валько и многих покололи и поранили. В пожаре погибли люди.

В с. Речках австрийцы повесили крестьянку Прокопович, в с. Зеболки убили крестьянина Петра Поворозника. В населенных пунктах: Липовице, Куликове, Сулимове, Батятычах устраивались чисто дьявольские погромы. В числе доносчиков был учитель-украинец Иван Шерстило из Сулимова, который выдал австрийским жандармам несколько крестьян и священника Саввина Кмицикевича с сыном.

По причине такого страшного массового террора, галицко-русское население впало в небывалое отчаяние. Не от наступающей русской армии, а от толпы озверевших разбойников своей державы, людям приходилось прятаться в ямах, скрываться в лесах, горах и дебрях, как когда-то скрывались их предки от татар и турок.

В Каменском уезде шла австро-мадьярская лютость безгранично, т.к. этот уезд принадлежал к более сознательным округам Галицкой Руси. В селе Дернове австрийцы убили: Ивана Наума - 85-летнего старика, Николая Курия, Николая Ковалюка и Ивана Сердинецкого. В поселке Сапежанке был расстрелян крестьянин Андрей Вусович, тело которого солдаты повесили перед его родным домом, под рыдания жены и детей.

В местечке Стоянове был убит мещанин Федор Багнюк будто бы за то, что звоном в колокол давал знак казакам, а 85-летний старик-священник Иван Сохацкий был выволочен из церкви и подвергнут побоям, а затем заколот штыками. Десятки смертных приговоров имеют на своей черной совести 2 учителя австро-украинской ориентации Роман Пекарский и Лука Краевский. По их доносам суд первой австрийской пехотной бригады приговорил к смерти через повешение 10 крестьян в с. Таданье: Степана Федика, Феофана Гураля, Дмитрия Мотиля, Григория Наконечно, Ивана Потрухая, Федора Мартынюка, Василия

Гренка, Ивана Круцинского, Дмитрия Ланчина и Анастасию Лашукевич, мать 4-х детей.

Село Уторопы Коломыйского уезда было залито крестьянской кровью. Жандармы, солдаты и не в меру усердные австрийские патриоты вымещали свой гнев на неповинных жителях села за то, что на фронте австрийская армия терпела поражение. Отступавшие каратели гнали крестьян и женщин перед собой и расстреливали их на бегу.

На город Львов, как центр культурной жизни Галицкой Руси, обратили особое внимание все административные, полицейские и военные власти. В столице Прикарпатского края находились центральные органы просветительских и культурных галицко-русских обществ и организаций. После объявления мобилизации австрийской армии, одним махом пера были закрыты все галицко-русские институты, организации, бурсы, приюты, редакции газет, учреждения. Все имущество подверглось грабежу и разгрому.

К каким бы выкрутасам теперь не прибегали галицкие украинцы-сепаратисты, что они де не повинны в пролитии крови своих братьев, то их поступки, почины, дела и все их газеты, во главе с “Ділом” и “Свободою”, обнаруживают иудину измену. На основании подлейших доносов, в несколько дней были переполнены все львовские тюрьмы русинами. В темном углу “Бригидок” шла экзекуция за экзекуцией.

Были повешены: Иван и Семен Хиль, рабочие из Пониковицы Бродовского уезда, Семен Шпорлюк из Фольварков Великих возле Брод, Антон Супликевич - крестьянин из СкоморохСокальского уезда, Валентин Кашуба, Александр Батовский и Василий Пержук из Лепинева Бродовского уезда, Антон Мановский из Дубровицы Яворовского уезда, Иван Шушинский крестьянин из Хвойны Жолковского уезда, Петр Козицкий и Андрей Пужак из Мокротина Жолковского уезда. Последнего казнили за то, что он под виселицей крикнул: **“Да здравствует Великая и нераздельная Русь”**, доброволец-палач истязал его на эшафоте четверть часа.

Не лучше было и во Львовском уезде. В с. Гонятичах, австрийцы поставили под стеною хлева крестьян Василия Грищинуна, Юстина Карпинского, Филиппа Опрыска, Григория Кордюка 80-летнего Тимофея Дубинку, Казимира Карпинского и Степана Гринчинина, и всех закололи штыками.

В с. Острове, офицер убил крестьянина Василия Зачковского; таким же самосудом были убиты: Николай Феджар из Дмития, Андрей Базиль из Лан, Иван Собский из Ярычева Нового по доносу Григория Жаткевича, Антон Маслюк, Дмитрий Михайлов, Григорий Сидоряк из Малых Подлесок, Антон Гминковский и Семен Тишийский из Борщевич.

В с. Никуловичах бежавшие солдаты немилосердно избивали крестьян, а Ивана Таращука подвергли страшным пыткам: обрезали ему пальцы и губы и, наконец,

задавили доскою. Крестьянина Ивана Брыкайла из Брюхович жандармы вывели на кладбище, велели ему выкопать яму и тут же расстреляли его.

В с. Запытове, по доносу Хомяка, австрийцы выгнали людей из села в чистое поле, повязали веревками и так гоняли их весь день, а под вечер повесили 15 человек: Константина Кулика и его сына Никиту, Михаила и Ивана Блавацких, Михаила и Кирилла Назаркевичей, Ивана Бойко, Якова Будловского, Онуфрия Выхонена, Петра Герасимова, Федора Савчука, Константина Цыгана, Андрея Бочия, Василия и Никиту Андрияков. Остальных крестьян поставили под дула пулеметов, а старых и малых били прикладами без разбора. В этой бойне приняли мученическую смерть Роман Пилявка и Иосафат Бондарь.

Много мучеников было в Рава-Русском уезде. В с. Гойче австрийцы расстреляли крестьян: Ивана Василькова, Ивана Бабия и Федоро Янкова. Поселок Казаки, возле Монастырской Руды, исчез с лица земли только за свое название. В нем солдаты закололи штыками: Алексея Камута, Луку Малоеда, Матвея Максимяка, Федора Федюка, Варвару Калику, Андрея Калику, Савву Кожушка, Анастасию Пиливец, Анну Нижник и всю семью Михаила Думича, а священника Василия Демчука повесили за то, что будто он, во время богослужения, молился за русского царя. С ним были повешены крестьяне Иван Стельмах и Иван Нижник.

Черная доля постигла село Катериничи, уезда Рудки. Солдаты выгнали всех жителей села, мужчин и женщин в поле, и кололи их штыками. Крестьянку, Марию Зазулю, мать троих детей, раздели донага и катали ее по стернище. Две женщины умерли от колотых ран. Мария Плугарь, от побоев, родила преждевременно дитя. Солдаты насиловали женщин без стыда и стеснения, сожгли церковь, читальню, кооперативную лавку и хозяйские постройки, грабили и убивали людей.

Чем быстрее и ближе к Карпатам отступали австрийские бригады, тем сильнее овладевал ими страх перед приближавшимся противником, тем лютее закипала месть в их сердцах. На одного Станислава Загурского, доктора прав, аудитора, т.е. военного судию, к сожалению славянина-поляка, падает более 100 смертных приговоров. Эта темная душонка, на основании показаний одного лишь свидетеля, повесил 10 крестьян из Синеводска Скольского уезда: Михаила и Петра Ковалья, Федоро Федишина, Ивана Матешина и Ивана Тишевского. Тела несчастных жертв бросили душегубы в болото, где они пролежали с сентября 1914 до марта 1915 года. Староста Стрыйского уезда С.Н. Андреев, велел вынести трупы из болота и похоронить по православному обряду.

В с. Лавочном, на одной из вершин Карпатских гор, австрийцы поставили страшную виселицу больших размеров для устрашения народа. Сколько крестьянских голов повисло на ней, трудно сказать. Среди погибших были: Михаил Жолобович из станицы Козовой и Федор Коростевич из станицы Оравы. Эту виселицу смастерил по приказу военного суда арестованный крестьянин Юрий Волкупович, которого забрало судилище в Мукачево. Как очевидец он

рассказывал, что в Мукачево военный суд ежедневно приговаривал к смерти от 20 до 25 человек. Русинов вешали и расстреливали цыгане и евреи за городом, а их тела выбрасывали в ямы и рвы.

В святинском уезде наиболее потерпело село Залучье, которое накануне войны присоединилось к православной церкви. Палачом населения был вахмистр жандармерии, прославившийся на политическом процессе С.Ю. Бендасюка, Пушкарь, украинец - слепое орудие Австрии. Он самочинно избивал крестьян розгами; кто терял сознание, того он приказывал поливать холодной водой, а затем дальше подвергал пыткам.

Неизреченные муки претерпели Прасковья Оробец и Михаил Нагорняк, последний за то, что отдал свою хату под православную часовню священнику Игнатию Гудиму. Бежавшие за Карпаты австрийцы, согнали всех жителей села, чтобы смотрели на казнь, через повешение, крестьянина Кабацкого. Виднейших крестьян, 86 человек, арестовал Пушкарь. В уездном городе Святине было повешены: почтальон Притула, канцелярист Виноградник, чиновник Лесковацкий.

В с. Ганковцах казнили крестьянина Джураковского.

Сокальский уезд, примыкавший к русской границе, был поленом в глазах украинских “патриотов”; поэтому доносы с их стороны сыпались на русских людей, как град с черной тучи.

Андрей Кузьма выдал крестьянина Степана Дуду и он был повешен в с. Переводове. Педагог Стенятинский выдал видных, деятельных крестьян в окрестности. Сильно пострадало село Скоморохи. Как выше отмечено, крестьянин Антон Супликевич был повешен во Львове.

В с. Ильковичах повесили нищего старика Петруненко.

О кровавых злодеяниях, имевших место в Станиславской тюрьме на Дуброве, можно получить обильные справки из публикации Василия Маковского п.з. “Талергоф” (Львов, 1934). Автор, горячий украинский патриот и вернейший слуга Австрии, по документам и своим воспоминаниям сообщает, что в тюрьме на Дуброве шли расстрелы с утра до вечера.

Маковскому смело можно поверить, ибо сам находился среди арестованных. Журналист А. Панкратов, прибывший с русским отрядом в г. Станиславов, собрал свидетельства о зверствах австро-мадьярского военного террора и насчитал 250 повешенных. Среди доносчиков находим имя Степана Прокопова, украинца из с. Курынова.

Байковщина, центром которой является г. Турка, оросилась кровью русинов - мещан и крестьян. Вся интеллигенция в уезде находилась в тюрьмах; не было поблажек для больных, стариков и женщин. В Турке мадьяры повесили мещан: Ивана Ильницкого, Гуляновича, Осипа Цинкевича и Василя Гавринечко. Там же был расстрелян Лука Матковский за то, что назвал себя русином.

В с. Разлучье мадьяры повесили крестьянина Ивана Хоминица, Петра Гвоздецкого, Максима Куруса и Михаила Сковбу.

В с. Малой Волосянке они повесили Михаила Шевцова и Михаила Дьякунчака. В с. Великой Волосянке повесили Ивана Старушкевича, в с. Прислоен - Алексея Белея, Михаила Семковича и Ивана Беласа вместе с 18-летним сыном; одновременно был повешен Кирилл Кудрич.

В с. Яворе мадьяры казнили Степана Романовича Яворского и Ивана Игнатьевича Яворского.

В Нижней Яблонке мадьяр убил в хате, на глазах испуганных детей, мать Марию Лужецкую за то, что та не могла дать ему хлеба. Мадьяры дотла сожгли села: Явору, Багноватое и Лосинец, а всего в Турке повесили 70 человек.

Туча мести и террора не прошла мимо и Ярославского уезда.

В с. Маковисках на своих прихожан доносил священник-униат Крайчик.

В Червоной Воле был повешен Петр Куца. В с. Соснице “мужья доверия”, украинцы, Михаил Слюсар, войт Михаил Кушнир, Пантелеймон Василина, учитель Горошко и еврей Саул Рубинфельд донесли на своих односельчан и на основании их доноса были повешены: Иван Шостачка, Илья Яворский, Илья Якимец, Иван Кошка, Николай Смигаровский и Андрей Гардый. Двух последних мадьяры-уланы привязали за свои седла и волокли 4 километра до села Задубровы и обратно, потом повесили на вербах, где они висели несколько дней под проливным дождем. Но и этого им было мало. Они арестовали Михаила Зелеза и студента-богослова Николая Гардого, сына вдовы, и после страшных издевательств повесили в с. Велюничях на берегу речки Вигора. Следует добавить, что павшего на колени студента Гардого, мадьяры топтали сапогами и выбели ему зубы; затем повесили.

БЕШЕННЫЙ ПОГРОМ В ПЕРЕМЫШЛЕ

В стратегическом отношении город Перемышль на Сяне был самым важным боевым участком для австро-венгерской армии. Это была лучшая австрийская крепость против России. Отступая к Сяну, солдаты пылали неугасимой мстью к галицко-русскому поселению. Поэтому для арестованных не было пощады.

15 сентября 1914 года на группу арестованных, состоящую из 46-ти человек, набросились мадьярские гонимые. Перевязанных веревками людей они загнали с улицы Дворского в угол улицы Семирадского, и тут наступил бесовский погром, какого древний город не знал в своей богатой в горе истории: били и секли саблями гонимые-уланы, кололи штыками пехотинцы, били кулаками и камнями евреи, били и вои братья-украинцы чем попало. Улица наполнилась отчаянными стонами и криками. Девушка-гимназистка пала на колени перед статуей, находившейся в углу улицы, и подняла вверх руки:

Божья Мати, спаси нас!

Внезапно к девушке подбежал мадьяр и со всего размаха ударил ее револьвером по голове, а затем выстрелил из него прямо в ее чело. Как подкошенная она упала

на землю. Выстрел в девушку был сигналом к кровавой расправе прочих арестованных. Началась стрельба. Брызги крови и мозга летели на мостовую и на соседние стены домов. Из тел изрубленных людей образовалась сплошная масса размяженного мяса. В этой адской бойне были убиты:

1. Мария Игнатъевна Мохнацкая, ученица 7-го класса гимназии;
2. Екатерина Бандровская, крестьянка, мать 4-х детей;
3. Григорий Бодак,
4. Степан Борсук,
5. Николай Лиско,
6. Федор Лиско,
7. Николай Мусит,
8. Евстахий Полегонький,
9. Василий Ружила. Кроме первой, все крестьяне их с. Войткова Добромильского уезда.
10. Илья Артим,
11. Степан Артим,
12. Дмитрий Васевич
13. Иван Галушак,
14. Дмитрий Кузьминский, 15. Андрей Маркович,
16. Николай Кузьминский,
17. Иван Маркович,
18. Афанасий Гбур,
19. Григорий Мельничук,
20. Андрей Процьк,
21. Николай Сивый,
22. Михаил Сокальский,
23. Андрей Тиминский. Все крестьяне из с. Грозьовой, Добромильского уезда.
24. Михаил Бохонок,
25. Андрей Павловский,
26. Петр Пилин. Эти крестьяне из с. Нановой, добромильского уезда.
27. Василий Липинский, крестьянин из с. Рудавки, Добромильского уезда.
28. Михаил Дроздовский,
29. Афанасий Мартинишин,
30. Андрей Ружила,
31. Николай Ружила,
32. Василий Ружила,
33. Иван Сидор,
34. Федор Сидор,
35. Федор Сливак. Крестьяне из с. Сеньковой, Добромильского уезда.
36. Андрей Мещак, крестьянин из с. Смольницы, Добромильского уезда.
37. Петр Коваль,
38. Федор Лысейко,
39. Иван Папцьо,
40. Михали Губара. Крестьяне из с. Стебника, Добромильского уезда.

41. Степан Микита, крестьянин из с. Щтейнфельс, Добромильского уезда.
42. Андрей Павляк,
43. Прокоп Шимоняк, крестьяне из с. Юречковой, Добромильского уезда.
44. Николай Жолдак, крестьянин Львовского уезда, с. Милошовичи
45. Иван Махник, крестьянин из с. Грозьовой, притворившись мертвым и скрывшись под телами убитых, остался в живых. Также выполз из месива изрубленных тел Степан Борсук.

Так погибли на родной земле крестьяне Галицкой Руси. Одинокая Мария Мохнацкая, 16ти летняя дочь священника Игнатия Мохнацкого - чистейшая жертва Галицкой Руси. Тот же терновый венец, который укасил ее молоденькую головку, украсил ее брата Феофила - 18го апреля 1915 года на рынке г. Грибова он, абсолювент гимназии, был повешен на основании доноса резника Нелины и парикмахера Каминского. К этому моменту отец обоих мучеников уже год находился в тюрьме.

Список Перемышльской трагедии найдет читатель в публикации д-ра Адриана Копыстьянского: “Всенародный Русский Праздник в г. Перемышле”, Львов, 1937 г.

РАССТРЕЛ СВЯЩЕННИКОВ НА ЛЕМКОВСКОЙ РУСИ

Западная окраина Галицкой Руси испокон века заселена горским племенем лемков по Бескидам Западных Карпат и находилась под самым тяжелым обухом австро-мадьярского разбоя. Здесь, после потери восточной Галичины, скопились австрийские “патриоты”. От доносчиков кишело. Ввиду того, что этот русский уголок непоколебимо стоял при Руси, то не удивительно, что злоба украинских приверженцев всячески стремилась использовать подходящее для себя время, чтобы избавиться от упрямых русинов-лемков.

Доносами занимались не только жандармы, сельские писари и войты, но и учителя, и даже духовные лица. Вскоре, после доносов пособников Австрии, была подвергнута повальному аресту вся русская лемковская интеллигенция: священники, адвокаты, судьи, педагоги, студенты и даже гимназисты, не говоря о крестьянстве обоих полов.

В предыдущей главе кратко сообщалось о том, какое неслыханное горе постигло семью Мохнацких. Такая же трагедия выпала на дом Сандовичей. Семья священника Петра Сандовича, декана Мушинского благочиния, была в близком родстве с Мохнацкими; его жена Мария происходила из Мохнацких. Православный священник Максим Сандович не находился в родственных связях ни с о. Петром Сандовичем, ни с Игнатием Мохнацким. Это были только однофамилицы и больше ничего. И именно эти одинаковые фамилии навлекли

страшную, кровавую месть австрийского террора на всех Сандовичей в пределах Карпатской Руси.

Муки священника Максима Сандовича, православного подвижника в Западных Карпатах, начались уже 3 года назад до вспышки первой мировой войны. Он происходил из крестьянской семьи, был сыном Тимофея и Христины, проживавших в с. Ждыне Горлицкого уезда. Кроме хозяйства, его отец занимал должность псаломщика при приходской церкви. Окончив 4-ый класс гимназии в Новом Санче, Максим, поступил в Почаевский монастырь на Волыни, а затем в духовную, православную семинарию в Житомире.

В 1911 году он был рукоположен там в священники, после чего вернулся из России в родные Карпаты и вместе с женою Пелагией поселился в с. Грабе Горлицкого уезда. Недолго, однако, довелось ему служить среди родных русинов-лемков. Вскоре, по доносу учителя Леося, в марте 1912 года, его арестовала австрийская жандармерия и в цепях отвела в львовскую тюрьму.

Как раз накануне войны, после 2-х лет мучений в стенах сырой темницы, он был освобожден, но уже 4-го августа 1914 года жандармы набросили на его руки железную цепь и вместе с отцом, матерью, братом и женою, после горьких и долгих мытарств, отвели в уездную горлицкую тюрьму. Тернистой и страшной дорогой шли из родного села Сандовичи, и нет таких слов, чтобы рассказать об их скорбях.

Прошло 2 дня в тюрьме, настало воскресенье, 6 августа. Поднявшись до рассвета с нар, о. Максим отчитал утренние молитвы, три акафиста и глубоко задумался: жена, ребенок, родители и все родное село предстали отчетливо перед его глазами. Неподвижно стоял он у решетки окна, стараясь увидеть кого-нибудь из родных в окне напротив. В тюрьме все они сидели отдельно. Так, никого ему не довелось увидеть. Гробовая тишина нависла над хмурым зданием, и только за воротами был слышен шум толпы.

- Что это должно обозначать? Наверное привели новых “шпионов”. Может быть это беженцы? Бегут куда глаза глядят, запуганные разными военными страхами - думал о. Максим.

Вдруг его думки прекратились. Сильный стук в черные ворота. Еще не было 6-ти часов. На тюремное подворье вошел усатый, красный как живодер, ротмистр, немец по имени Дитрих из Линца, с 2-мя солдатами и 4-мя жандармами. За ним шли тюремные надзиратели, чиновники, офицеры и кучка любопытных дам. Староста Горлицкого уезда, пан Митшка, приказал надзирателю Ножинскому вывести из келии о. Максима. Наступила тишина. Из тюрьмы 2 солдата под руки вели православного священника 28 лет. Он сразу понял куда его ведут.

Будьте добры, не поддерживайте меня! Я сам пойду куда нужно, спокойно и смиренно промолвил о. Максим, и с достоинством истинного пастыря душ пошел на лобное место своих последних предсмертных мучений. Черная ряса падала с его плеч до ног. Грушевый крест осенял его мужественную грудь.

Шепот толпы, пронизывающий насквозь пронзительными взглядами всю статью “изменника”, долетал до его ушей. Но он ступал, как подобает последователю Христа, спокойно, шаг за шагом к роковой стене. Опять наступила тишина.

Последовала экзекуция, как во времена апостолов, экзекуция русского священника на русской земле. Ротмистр Дитрих, герой дня, сорвал крест с груди о. Максима, связал ему руки назад и черным платком перевязал глаза.

“Напрасно вы это делаете, я не собираюсь бежать” - сказал священник.

Ротмистр дьявольски захохотал, и мелом начертил на груди рясы священника черту, как прицел для стрелков. Затем он выставил охрану из 4-ех человек вокруг беззащитного пленника. Вокруг воцарилась гробовая тишина.

Староста Митшка вынул из сумки приговор и зачитал его. Раздалась краткая команда и щелкнули карабины. Эхо выстрелов раздалось в закоулках тюрьмы и опять воцарилась гробовая тишина на тюремном подворье, будто на кладбище. И в этой тишине раздался голос о. Максима:

- **“Да здравствует русский народ!; Да здравствует святая, православная вера!**
- понижая голос продолжал он. **Да здравствует славянская идея!** - окончил он едва слышным голосом.”

Сильный организм о. Максима не сдавался насильственной смерти. Тело его сползло по стене на землю и в конвульсиях корчилось на каменных плитах. Один из жандармов добил его выстрелом из револьвера. Так умер о. Максим, русский, православный священник.

Геройскую смерть своего сына видели престарелые родители и оба молчали до конца экзекуции. Лишь верная подруга Пелагия, безутешно рыдала в тюремной конуре, а когда услышала выстрел, как мертвая, упала на нары.

Конец августа 1914 года канул в вечность под жаркими лучами летнего солнца. 26 августа жара достигла своей вершины. Без серпов и кос клонились к земле хлеба: рожь, пшеница, ячмень, овес. Трава высохла на лугах и в оврагах. Всюду было сухо. Пересохли реки и ручьи, и только у русских людей не высохали слезы. Безутешно было их горе, ибо их родные погибали по приговору военного суда.

Военный суд в г. Новом Санче работал особенно усердно. 26 августа, 1914 года, в 9 часов утра, перед лицом грозных судей вывели из городской тюрьмы сразу 7 “изменников”, среди них благочинного Мушинского округа о. Петра Сандовича, настоятеля прихода в Брунарах, и его сына Антония, студента - философа. Крестьян отвели обратно в тюрьму.

За столом сидела смесь всех народностей Австро-Венгрии: майор-аудитор Мечеслав Бельский, поляк; лейтенант запаса Иван Душа, вероятно русин; оберлейтенант-судья Иосиф Вондрач, чех; обер-лейтенант присяжный поверенный Юлиан Фулайта неизвестной национальности. Обвинительный акт прочел Вондрач, протокол писал Душа.

Свидетелями были обуреваемые страстью украинизма Михаил Гуцулях, учитель из села Избы; Петр Ключник, пенсионер-жандарм из села Флоринка; Михаил Дороцкий, униатский священник из села Злоцкое и Василий Смолинский, униатский священник из села Ростока Великая.

Поступки этих Христовых слуг можно назвать одной бесконечной подлостью по отношению к своим товарищам. Священник Смолинский свидетельствовал, что

его декан о. Петр Сандович работал в пользу “русского” народа, т.к. в своих посланиях писал:

“русский народ”. Священник Дороцкий дал показания под присягой, так же, как и Смолинский, что о. Петр Сандович распространял среди лемков летучки какого-то православного епископа Никона, освобождавшего всех русинов-лемков от присяги на верность австрийскому цесарю. Эти летучки разносил по селам сын декана Антон Сандович, что могут подтвердить Гуцуляк и Ключник.

Сколько мерзости и клеветы!

Декан о. Петр Сандович, 56-ти лет, отец 9 детей, видя, что защита просто немислима, не стал защищаться, а только затребовал показать летучку неизвестного ему епископа Никона. Понятно, что ни суд, ни свидетели не могли удовлетворить требование о. Петра, т.к. такой летучки не существовало вообще и кривая присяга дегенератов была для суда достаточным основанием преступления священника Петра Сандовича.

Зато его сын, студент Антоний Сандович, не в силах был молчать. Он смело опровергнул выдумки криводушных свидетелей, фальшивые, бестолковые выводы следственных судей и не побоялся им заявить, что судить надлежит за злодеяния, а не за идею, веру и историческую правду.

“У меня нет ни малейших причин для того, чтобы скрывать принадлежность к Руси, за которую и смерть мне не страшна. Гибель моего отца и моя, и даже гибель всех русских галичан не в силах спасти такую огромную державу, как Австро-Венгрия. Этот вопрос решит ее армия. История чистая и правдивая, потребует ответа за все наши жертвы, тем более, что никто из нас не пойман с оружием в руках против австрийской армии. У вас власть судить, потому пользуетесь ею!”

Эти слова молодого студента будто тронули совесть “защитника” Юлиана Фулайта. Он поднялся с кресла, пробубнил ничего не значащую фразу, что даже военный кодекс не предвидит смертной казни и вышел. Председатель суда Мечеслав Бельский объявил смертный приговор именем апостольского величества и приказал отвести обоих приговоренных к расстрелу в тюремную келью. Исполнение приговора последовало 28 августа 1914 года в 12 часов дня. Проходя коридором тюрьмы, студент Антон Петрович Сандович передал весточку в камеру о. Владимира Мохнацкого: “Прощайте, дядя! Идем на смерть!”

Со связанными руками, вывели обоих узников через тюремный двор к грузовому автомобилю и повезли за Новый Санч на стрельбище. Высадив их, поставили рядом отца и сына. Священник мысленно углубился в молитву, юноша ловил взором окружающую его природу, желая запомнить каждую мелочь. Напротив них выступили 4-ре солдата с карабинами. Комендант дал приказ к выстрелу. Отец Петр закрыл глаза. Антон же наоборот, широко раскрыл глаза будто хотел одним взглядом объять всю свою отчизну. Грянул выстрел, брызнула кровь из груди обоих. Отец и сын упали рядом. Еще не закончились предсмертные судороги умирающих, а комендант уже повелел бросить теплые тела в свежо вырытую яму. Когда же стрельбище опустело, на неопрятную могилу присела маленькая ласточка и прощбетала свою жалобную песенку. А что делала мать, несчастная вдова, с 8-ю детьми? Кто в силах описать это?

В смертном приговоре двум Сандовичам более глубокий смысл имеет то обстоятельство, что обвинительный акт и разбирательство всей судебной комедии согласовал с разными документами и протоколами высокий, как шест, майор Дурак (Durrack), вероятно, немецкий русин. Несомненно, его имя является сборным понятием всех тех одурманенных и добровольных прислужников немецкой Австрии, которые по своей безграничной глупости и партийной слепоте, на смех врагам Славянства, выдавали своих родных братьев иной идеологической ориентации в пасть немецко-мадьярской гиены.

Ошеломленные ненавистью ко всему русскому, они разбивали своими бараньими лбами черепа своих земляков, проливали невинную кровь, топтали грязными сапогами чистое лицо родной земли, из которой высасывали соки для своей позорной вегетации. Вместе с немцами и мадьярами, они устилали трупами своих соотечественников дорогу в ад тем, которые еще оставались в живых.

Сколько горьких рыданий и жалоб бывает у того, кому приходится переселяться из родной хаты в чужую, из родного села на чужбину. Девушка, когда уходит от родной матери к свекрови, заливается безутешными слезами, т.к. знает, что не будет ей так тепло, как среди родных. С какой тяжестью на сердце уезжает обездоленный русин на чужую сторону за море! Это совершенно естественно и не удивительно. Потому, что место рождения, где вырос, узнал мир и людей, срослось с его душой и стало нераздельной частью его бытия.

Мраком черного моря покрылась Галицкая Русь, когда насильственным порядком выбрасывали несчастных людей из родных хижин, из своих хозяйств, сел. От отчаяния сжималось у них сердце. От материнского очага, отчего гнезда прогоняли русских людей чужеземцы и проходимцы, немцы и мадьяры, которые бесправно вторглись на Русскую землю.

Кругом пламенели пожары, высоко поднимался черный дым из соломенных крыш. С визгом скрипели наскоро сколоченные виселицы для людей. Тысячи людей с перевязанными руками, окруженные толпой бешенных собак, жандармов, полицейских, гайдуков, разъяренных солдат и прочих, жаждущих людской крови шакалов, угоняли все дальше и дальше от своих мест на чужбину. Родные Карпаты оставались позади, а впереди, черной змеей вилась неизвестная дорога. В записках священника Иоанна Мащака читаем: “Из г. Самбора 6 сентября 1914 года транспорт арестованных был направлен в Венгрию. В Лавочном в вагон влетел фенрих т.е., прапорщик, и канчуком бешено стал бить по голове священника Северина Ясеницкого. Когда священник заметил, что Бог будет им судьей, Фенрих стал бить его по лицу, а затем всех, кто попадался ему под руку”.

В Мароше Лаборе солдаты задержали поезд и палашами избивали людей в каждом вагоне. Без хлеба и воды, в невыносимой жаре и духоте раскаленного дня, и в мрачную холодную ночь удалялись сбитые штыками в одну кучу люди в

немецкий и мадыарский ясыр. Куда только их не загоняли? Гнас, Фельдбах, Оберголлябурн, Геллерсдорф, Вена, Мискольч, Штамар - Немети, Эстергом, Будапешт, и один Всеведущий Господь знает, где еще они гнили в подвалах, в сырых погребях и тюрьмах, где они, как черные волаы, гнули под ярмом работ свои шеи и хребты.

ТЕРЕЗИН

Город Терезин на Огре Terezinstadt an der Eger лежит в роскошной долине Северной Чехии напротив Рудогор: входит в состав уезда Литомерице. За городом притаилась, будто вросла в землю, крепость времен Марии Терезии (Mala Pevnost), обнесенная кирпичными валами и рвами полными воды.

Это и есть Терезинская крепость, в которой лучшие помещения служили до первой мировой войны казармами для солдат, похуже были тюрьмами и темницами для наибольших преступников австрийской монархии; некоторые стояли совершенно пустыми. И вот, 3 сентября 1914 года все казематы, тюремные вязницы и темницы, все конюшни с лошадиным гноем, все коридоры и сырые подвалы наполнились изгнанниками, уроженцами Карпатской Руси. Тысячи галицких невольников загнали немцы в холодные стены, закрыли железными дверьми. Лютые, как тигры, ключники и профосы надзирали за ними. Вооруженные солдаты стояли на сторожевых местах, у ворот, дверей и решеток. Началась тяжелая неволя.

Интеллигентные и простые люди должны были совершенно бесплатно весь день отрабатывать всякие черные работы не только в самой крепости, но и в городе, чистить улицы, каналы, уборные в заразных лазаретах, трудиться в огородах и в поле. В крепость было два входа. На каждом шагу стояли заставы. Бежать было немыслимо. В гнездах вшей, в гное бесчисленных ран и болячек необходимо было вести непрерывную борьбу с болезнями, которые путем проникновения в здоровый организм болезнетворных микроорганизмов могли охватить всю крепость. Все же тысячная громада узников, почти наполовину перемешенная с интеллигенцией, при деятельной поддержке чехов, особенно двух чешек, Анны Лаубе и Юлии Куглер, в скором времени завела в своих тюрьмах лад и порядок, справилась с насекомыми, установила часы для мойки и стирки белья, заготовила из досок нары, короче говоря старалась всячески завести образцовую чистоту.

Но тюрьма оставалась тюрьмою. Не приведи Бог коротать жизнь на чужбине! Чем дольше день, чем тяжелее гнет, тем тяжелее тоска, которая словно сверло насквозь сверлит сердце, словно долото колет грудь на части. Вспомнишь только, что Родину пришлось бросать против своей воли, так и зальешься горячими слезами, зарыдаешь, как малое дитя. Когда же в голову залетит мысль, что не дай Бог, на чужбине постигнет смерть, то сам не знаешь как успокоить раздраженное чувство.

Не месяц, не два пребывала эта тысяча русских галичан на чужбине. Как когда-то казаки в турецкой неволе, плакали-рыдали выброшенные из родных мест несчастные невольники в крепостной тюрьме, в объятиях сильного кордона постов. Сквозь решетки смотрели на камни и красные кирпичи, на мутную воду во рвах, на город и Рудогоры, и трудно им было задержать слезы, забыть каменные дороги, когда у них перед глазами мелькали штыки озверевшей солдатни.

*Ой, цисарю,
цисароньку, На що нас
карбуешь,
За яку провину в
тюрьмах Мучишь и
мордуешь?
Ой, скажи нам
цисарьонку, Чим ми
провинились, За що в
мурах и болоти Ми
тут опинились?*

Дальше тюремных стен унылый стон не вылетал. Никто их не слышал. Никто не обращал внимания на вопли арестантов. Они ждали спасения от фронта, но как на зло, война затянулась, и казалось, что конца ей не будет.

Прошло первое Рождество в арестах. С трудом минула зима. Пришла весна - новая надежда на возвращение в родной край, надежда на свободу и волю. Забилось сердце в каждой угнетенной груди исключительно ему одному понятным биением. Между тем все краше одевалась чешская земля в новую зелень. За Огрою в вербах и лозах отозвались грачи. В воздухе потеплело. На лугах и полях зазеленели хлеба, зацвели цветы. Душа так и рвалась на широкий вольный простор, но об этом можно было только мечтать.

Дни шли за днями, ночи за ночами. Наконец пришел Великдень, т.е. Пасха, первая в немецкой тюрьме. Ранешеньким утром поднялись из своих берлог пахари-крестьяне, чтобы по завету Родины исполнить на далекой чужбине родной, православный обычай и обряд своих предков. Не могли спать спокойно и священники, даже преклонные старики. Наскоро помывшись и одевшись, они высматривали зи железных окон, не идет ли с ключами цугефюрер Зальманн?

Какое совпадение! Когда-то нашим предкам жид Зальман открывал в Пасху ключами церковь; и его ждали, а увидев его пели: едет, едет Зальман. Теперь в неволе, в тюрьме, тираном над русским народом стал новый Зельманн, словно родной брат старого Зельмана. Уже взошло солнышко, а Зельманн ходит себе по двору, заложив руки назад, и побрякивает ключами. Наконец, открываются черные, тяжелые двери, завизжав пронзительным скрипом. Густой толпой, один за другим, изо всех подвалов, конюшен и казематов высыпаются, как пчелы из

уля, высохшие, нищие люди, с затаенными стонами и слезами бросаются друг другу в объятия.

ВЕЛИКДЕНЬ В ТЕРЕЗИНЕ

Христос воскрес! Воистину воскрес!

И больше ничего! Сперло дух в груди, слово застряло глубоко в утробе, и нельзя промолвить, лишь слезы льются из глаз. Впрочем, о чем говорить? Хорошо и без этого друг друга понимают.

Терезинские узники все до одного собрались в 2-х условленных местах: в длинном, похожем на коридор, загоне находилось большинство крестьян и в каземате №2 под насыпным кирпичным валом. Тут и там священники отслужили пасхальное заутреннее богослужение, и тут и там, когда раздалось **“Христос воскрес!”**, слышались глухие, сдавленные рыдания.

Чрезвычайно трогательным было настроение в загоне. Напротив него, в одинокой конурке, днем и ночью освещенной керосиновой лампой, отсиживал свое наказание сербский студент Гавриил Принцип, убийца австрийского престолонаследника Фердинанда. В 9 часов утра он выходил во двор. Когда он переволок свои кандалы на ногах через порог, вся стайня загремела, как ударивший с неба гром, галицкое: **“Христос воскрес!”** Бледный юноша в сером арестанском платье остановился на ступеньке и в его глазах засияла радостная слеза. Заметив это, профос, лютый как зверь, толкнул Принципа обратно в камеру, тем не менее связь с богатырем-страдальцем сербского народа была успешно налажена. Осталось еще в этот Великдень установить связь с русскими военнопленными, которые жили за Терезинской крепостью в особых бараках в поле. Наши студенты на скорую руку составили приветственное письмо и через прачку, ловкую чешку, передали его в лагерь военнопленных. Ответ не пришлось долго ждать; его принес инфантерист - чех, который был одним из часовых около барачков пленных. То-то была радость, когда Владимир Застырец стал читать письмо, написанное грамотною русскою рукою, проникнутое глубокой верой русской правды над немецкой кривдой.

Настроение духа повысилось. Пошли воспоминания, как там на Родине в Великдень мать раненько вставала, детей будила, ясные головки чесала, в белые рубашки одевала, приговаривала каждому любо и ласково; как в церкви иконы играли, села, поля и луга приветствовали, как свечи горели и пасхи сияли; как девушки взявшись за руки, кривой танец заводили, старого Коструба хоронили, землю топтали и поганого Зельмана прогоняли. Рассказы лились, как вешние струи. Из всего невысказанного вытекала радость, что в родной стороне иначе солнце всходи, иначе светит, иначе люди живут. Чтобы не осквернять Великдень, никто не осмелился злословить даже на врагов, загнавших тысячу человек в тюрьму. Все же, как ни старались они забыть и прогнать лихо - горе, не могли поладить с живым сердцем, израненным вражьей рукою и назойливой думой.

Ах, эти думы на чужбине, в казематах крепости! Нельзя их удалить из больной головы. Ибо в тюрьме нет зелья, как бы можно горе забыть. Холодный камень не поможет, и думка, как лютая змея, пьет кровь, гложет сердце. Лицо бледнеет, волосы выпадают, и катится слеза за слезою по морщинам и днем и ночью.

Как умно сделал цугефюрер Зельманн, выгнав из всех тюрем людей на большой крепостной вал! Слово муравьи облепили его невольники. С четырех сторон охраняли солдаты с винтовками, чтобы никто не осмелился бежать. Вешней благодатью грело солнце. В воздухе было тепло. Жаворонки звенели в голубой синеве. Любопытные мальчишки руками передавали привет. Вдали, на широкой площади, густым роем сновали люди. Это русские военнопленные вышли из своих гнилых барakov.

На крепостном валу закипело, закишело. И задумали русские галичане передать братский привет пленным братьям. Выступили вперед запевалы, и Василий Галушка поднял руку. Вдруг загремела на несколько километров в ширь и в даль песня, какой чешская земля не слыхала:

Христос воскрес!

Ответом была та же песня, но более могучая, погнувшая долу зеленые хлеба и всколыхнувшая всю округу вокруг Терезинской крепости:

Христос воскрес!

Понял Зельманн, что случилось. Покраснел, как вареный рак, взбесился как палач и, надув со всей силой изрытые оспой щеки, закричал неистовым голосом: Einrucken!

Вот таким образом был отпразднован Великдень на чужбине, в немецкой неволе, в Терезинской крепости, в 1915 году. Несколько дней спустя, опустела крепость. Тысячи галичан благодарили гостеприимных чехов, с общим сочувствием прощались с крепостными валами, могилою праведного Федора Рудко, крестьянина из с. Переволочной Золочевского уезда. Его жена - старушка отправилась со всеми под усиленной охраной в худший немецкий ад, чем был Терезин.

ТАЛЕРГОФ

Самым тяжелым ударом по душе Карпатской Руси, был без сомнения, ТАЛЕРГОФ, возникший в первые дни войны 1914 года в песчаной долине у подножия Альп, возле Граца, главного города Стirie. Это был лютейший застенок из всех австрийских тюрем в Гасбургской империи.

Что же это за страшный Талергоф?

В дневниках и записках талергофских невольников имеет точное описание этого австрийского пекла. Участок пустого поля в виде длинного четырехугольника, в пяти километрах от Абтиссендорфа и железной дороги не годился к пахоте из-за обилия песка, на котором рос только скудный мох. Под сосновым лесом

находились большие ангары для самолетов, за лесом стоял синий вал альпийских гор.

На первых порах эту площадь солдаты отделили деревянными кольями и колючей проволокой. Лагерь охраняли солдаты в полном боевом вооружении, которым приказано было расстреливать каждого, кто приблизится к проволоке. Со временем лагерь Талергоф расширился, т.к. массы пленных со всех сторон Прикарпатской Руси стекались на эту территорию.

Первую партию русских галичан пригнали в Талергоф солдаты грацкого полка 4 сентября 1914 года. Штыками и прикладами они уложили народ на сырую землю. Голое поле зашевелилось, как большой муравейник, и от массы людей всякого возраста и сословий не видно было земли.

Вначале в этой массе черного народа бушевала какая-то зловещая тревога; черной тучей лежала на ней беспокойная тишина, точно после побоища на бранном поле. Затем, когда отошли солдаты первой разъяренной охраны, в гуще народа закишело и заклокотало, будто в бурном потоке ранней весной. Плач и стоны кипели и дрожали от непомерных мук и страстей. Но все телесные муки не могли ровняться с душевной горечью и отчаянием ссыльных по случаю потери родного края, оторвавшихся от родных очагов, разлучившихся с детьми и с родителями. В этом временном, казалось бы мертвом застое, в пропасти жалости и тоски, в рабском виде людей, в гное их существования, в тревоге и слезах таилось что-то грозное.

За Талергофом утвердилось раз и навсегда название немецкой преисподней. И в самом деле, там творились такие события, на какие не была способна людская фантазия, забегающая по ту сторону света в ад грешников.

В апокрифе “Хождение Богородицы по мукам” говорится, что Мария в сопровождении архистратига Михаила посетила ад в западной его стороне и увидела она площадь покрытую черным мраком. В болоте лежали грешники и черви грызли их непрерывно, и страсти, как морские волны хлестали немилосердно. От снов, воплей, рыданий там клокотало, как в раскаленном котле, и в отчаянии причитали обреченные на вечное наказание:

- помилуй нас Праведный Судия!

Так же припадали к земле и молились о помощи и справедливости несчастные мученики Талергофа, но просили напрасно. Никто не слышал их стонов, никто не обращал внимания на их мучения ; зато все надзиратели, вся служба, каждый немец и не только немец, а кто только захочет, каждый солдат мог издеваться над ними самым диким и жестоким способом. Талергофская котловина дышала, как вулкан, протяжным стоном, глухим сетованием.

До зимы 1915 года в Талергофе не было барачков. Люди лежали на земле под открытым небом в дождь и мороз. Счастливы были те, кто имел над собою полотно, а под собою клоч соломы. Скоро стебло стиралось и смешивалось с

грязью, пропитанной людским потом и слезами. Эта грязь являлась лучшей почвой и обильной пищей для неисчислимых насекомых. Вши изгрызли тело и перегрызали нательную и верхнюю одежду. Червь размножился чрезвычайно быстро и в чрезвычайных количествах. Величина паразитов, питающихся соками людей, была вопиющая (бесчисленная). Неудивительно поэтому, что немощные не в силах были бороться с ними. Священник Иоанн Мащак под датой 11 декабря 1914 года отметил, что 11 человек просто загрызли вши. Болезни и антисанитария оборачивались на каждом шагу смертью.

В позднюю, холодную осень 1914 года руками русских военнопленных талергофская власть приступила к постройке барачков в земле в виде землянок - куреней и над землею в виде длинных стодол с расчетом, чтобы поместить в них как можно больше народу. Это как раз нужно было кровопийцам, вшам, и палачам. Вдоль стен в 2 ряда были сколочены нары, одни над другими. Таким образом, в одном бараке помещалось более 300 человек. На грязных телах разводились миллионы насекомых, которые разносили по всему Талергофу заразные болезни: холеру, брюшной тиф, дифтерию, малярию, расстройства почек, печени, селезенки, мочевого пузыря, поносы, рвоты с кровью, чахотку, грипп и прочие ужасные болезни.

Кроме нечистоты, эпидемии в Талергофе способствовал всеобщий голод. Немцы морили наших людей по рецепту своей прославленной аккуратности и системы, а бросая кое-что, как собакам, ухитрялись, будто ради порядка, бить палками всех, куда попало. Капралы щеголяли своими знаниями, обучали военной дисциплине, выправке, применяли жестокие приемы при долбежке муштры даже стариков, священников и женщин, которые никогда в солдатах не служили. Не спокойным, разумным словом, а бешеным криком, палкою и прикладом водворяли часовые "порядок" так, что часто возвращались многие от выдачи постной воды, конского или собачьего мяса калеками.

В голоде и холоде погибали несчастные рабы; страшные болезни косили людей бессчетно. Немощные организмы валялись, как подкошенные в мучительной лихорадке и беспомощности кончали жалкую жизнь, а более сильные срывались ночью с нар и бежали куда глаза глядят, натываясь на колючую проволоку или на штык, или на пулю и падали замертво. В записках студента Феофила Курилло читаем, что солдаты убивали крестьян за то, что они бежали. Эта неточность записок вполне оправдана, т.к. из ангара в бараки был переход запрещен.

Впрочем, каждый был занят собою до того, что никто не записывал имена жертв, а по прошествии времени все забывалось. Злодеи оповещали каждый день о новых и новых жертвах. Но есть, однако, и достоверные записи: так, священник Иоанн Мащак записал 3 декабря 1914 года, что часовой выстрелил за барачком в перелезавшего через проволоку, крестьянина. Пуля не попала в него, но убила в бараке Ивана Попика из с. Мединичи, отца 7-х детей. В ангаре солдат заколол насмерть крестьянина Максима Шумняцкого из с. Исаи Турчанского уезда.

В скорбный помяник погибших в Талергофе занесем лучших народных деятелей из длинного ряда мучеников:

доктора Романа Дорика, преподавателя бродовской гимназии; основателя и воспитателя бursы им. Ф.М. Ефимовича, Юлиана Осиповича Кустыновича; профессора перемышльской духовной семинарии, доктора богословия Михаила Людкевича; доктора медицинских наук Михаила Собина; священника Евгения Кушнира из Сторонной; священника Владимира Полошиновича из Щавного; священника Иосифа Шандровского из Мыслятич; священника Григория Спрыса из Дашовки; священника Александра Селецкого из Дошпицы; священника Иосифа Черкавского из Соколи;

священника Апполинария Филипповского из Подкаменя возле Рогатина; священника Несора Полянского;

священника, доктора богословских наук Николая Малиняка из Славницы; священника Корнилия Литвиновича из Братишева; священника Владислава Коломыйца из Лещан; священника Михаила Кузьмака из Яворника Русского;

священника Евгения Сингалевича из Задубровец; священника Николая Гмитрика из Зандовицы; священника Ивана Серко из Искова; священника Иеронима Куновского из Бельча; священника Иоанна Дуркота из Лабовой; священника Михаила Шатынского из Тиравы; священника Олимпа Полянского из Юровец;

священника Василия Курдыдика из Черниховец; священника Казимира Савицкого и многих других священнослужителей и интеллигенции.

Из многочисленных крестьян погибших в Талергофе, назовем:

Ивана Попика из Мединичи,
Ивана Шарого из Щасповки,
Степана Шевчука из Ток,
Степана Стечина из Поздича,
Михаила Дацкого из Кривого возле Радехова,
Алексея Гишина из Григорова,
Федора Зубыка из Ветлина,
Феодосия Демьянчика из Высовой,
Константина Гайдоша из Регетова,
Василия Галчека из Лины,
Григоря Романчака из Граба,
Ивана Спинка из Гладышова,
Семена Андрейчина из Устья Русского,
Игнатия Банатка из Ропицы Русской,
Климентия Бобяка из Ольховца и множество крестьян и крестьянок Прикарпатской Руси.

В народную легенду перешло талергофское кладбище у соснового леса. Эта легенда передается из уст в уста, от деда к внуку, из поколения в поколение о том, что на далекой немецкой чужбине, в неприветливой земле, лежат несколько тысяч русских костей, которых никто не перенесет на родную землю. Немцы повалили уже кресты, сравняли могилы. Найдется ли одаренный Божьим словом певец, который расскажет миру, кто лежит в Талергофе, за что выгнали немцы русских людей с родной земли?

Смерть в Талергофе редко была естественной. Там ее прививали ядом заразных болезней. По Талергофу триумфально прогуливалась насильственная смерть. О каком-нибудь лечении погибающих людей и речи не было. Враждебным отношением к интернированным, отличались даже врачи. Совершенно оправданным убеждением было у всех, что это не спасители-врачи, а мясники без совести, не сестры милосердия, а женщины без сердца, хотя и носили красный крест. С дикой злобой, переходя из барака в барак, с бранью они приближались к больным, боясь заразиться, осматривали людей тыкая в тело палкой, проверяя таким образом, кто умер, а кто издает еще признаки жизни. В продолжении нескольких часов держали санитары и низший медицинский персонал наших людей на холоде и даже на морозе, заставляя их купаться в студеной воде, причем солдаты издевались над беззащитными людьми, особенно над женщинами, нанося им удары по голому телу тросточками.

Основными лекарствами в Талергофе, были вонючая мазь и нафталин, которым бесчеловечная медслужба просто засыпала с головы до ног. Приходилось спать задыхаясь от нафталина. О нормальной пище думать не приходилось: терпкий хлеб, часто сырой и липкий, изготовленный из отходов самой низкопробной муки, конских каштанов и тертой соломы, красное, твердое, несвежее конское мясо, выдаваемое дважды в неделю по крошечному кусочку, черная вода, самые подлые помои гнилой картошки и свеклы, грязь, гнезда насекомых были причиной неугасаемой заразы, жертвами которой падали тысячи молодых, еще вполне здоровых людей из крестьян и интеллигенции.

Депутат австрийского парламента, чех Юрий Стршибрны 14 июня 1917 года отметил в своей речи, что имеет точные данные от 70-ти талергофцев о том, что в Талергофе мучители зарыли в землю общим числом 2 000 мертвецов. Депутат того же парламента, поляк Сигизмунд Лясоцкий лично собрал ведомости о Талергофе на месте неслыханных злодеяний и подчеркнул в своей речи 12-го марта 1918 года, что в талергофе до 20 февраля 1915 года лежало 1360 тяжело больных, из которых 1100 умерло в страшных условиях. В то время возникло 464 заболевания пятнистого тифа, как результат сильного голода и нечистоты. В продолжение полутора лет вымерло 15% талергофцев, т.е. свыше 3000 галичан и буковинцев.

В начале в Талергофе не было больницы. Люди умирали на сырой земле. Когда же были построены больничные бараки, то лечение больных превратилось в сущее мучение. Единственный врач заслужил общую любовь пленных, арестант доктор Владимир Могильницкий из Бучача, который, как отец своей заботой и неустанной работой отогревал души измученных людей. И днем, и ночью он посещал больных любой национальности. Большим авторитетом и уважением пользовался священник Владимир Венгринович, видный галицко-русский деятель. Пренебрегая неприятностями со стороны тюремных надзирателей, не обращая внимание на заразные болезни, он шел от барака к бараку и напутствовал умирающих добрым словом.

Бывали случаи, что санитары и сестры обкрадывали того, у кого приметили припрятанный грош. Грабеж и обман в Талергофе были без границ. Дошло до того, что продавщица в буфете Юлия Дувал продавала в 20 раз дороже, чем полагалось в розничной торговле. За грабеж она была даже приговорена к месячному заключению в Граце. Оправдывалась она тем, что арестанты целовали ей руки за картофель, и это неопровержимо свидетельствует о страшном голоде в талергофском лагере, особенно среди крестьян.

Для запугивания людей, в доказательство своей силы, тюремные власти по всей талергофской площади, повбивали столбы, на которых довольно часто висели в невыносимых мучениях и без того люто потрепанные мученики. Поводом для подвешивания на столбе были самые ничтожные провинности, например, поимка кого-либо курящего в бараке ночью. Кроме мук на столбе были еще и железные кандалы, из-под которых кровь капала. О справедливости в Талергофе говорить не приходилось. Власти придерживались правила, что “изменников” следует бить по лицу, колоть штыками, убивать свинцовой пулей, сквернословить, попирать достоинство человека, издеваться хуже чем над скотом постоянно. Не было даже исключений для женщин и священников.

Большую книгу можно бы написать о нечеловеческих издевательствах немцев. 27 марта 1915 года священник Иоанн Мащак записал: Профос вызвал 5-х женщин и заявил им, что по очереди пойдут в одиночную камеру. Одна из них улыбнулась, за что профос подвесил ее на столбе. Слабая женщина терпела муки, какие не в силах вытерпеть иногда крепкий солдат.

Феофил Курилло рисует такую картину: 30 изнуренных и высохших скелетов селятся тянуть наполненный мусором воз. Солдат держит в левой руке штык, а в правой палку и подгоняет ими “ленивых” людей. Пленные тянут воз и еле-еле продвигаются, ибо сил у них не хватает. Талергофскими невольниками в жаркое лето и в морозную зиму, избивая их прикладами, выправляли свои дороги, выравнивали ямы, пахали поля, чистили отхожие места. Ничего им за это не платили, а только ругали их русскими свиньями. В тоже время вожди украинской партии во главе с разными Левицкими, Трилевскими, Ганкевичами, Барвинскими, Романчуками били тиранам поклоны и пели Австрии дифирамбы.

На 61 странице IV выпуска “ТАЛЕРГОФСКОГО АЛЬМАНАХА” (1932) воспроизведена оригинальная картина: священник, в длинной рясе, в черной шляпе, везет в тачке перепуганного жидка; за священником следует солдат. Не выдумка ли это, не фантазия? Нет. Это прискорбный факт описанный священником Генрихом Полянским и украинцем Василием Маковским, которым “добрая” слава австрийского солдата была очень близка сердцу.

Случилось так: священник читал молитвы из молитвослова. К нему подбежал солдат и, ударив кулаком по книге, крикнул:

- читать запрещено!

- Сегодня у нас рождество БОГОРОДИЦЫ - ответил спокойно священник.

- У собак и изменников нет БОГОРОДИЦЫ; у них есть только собачья мать! - заорал солдат и приказал священнику возить тачками гной, затем, на потеху еврею, потешившись этой шуткой, он велел еврею везти священника в грязной тачке к гнойной яме и сбросить его туда вместе с мусором.

Еще пример немецкого цинизма: умер крестьянин буковинец. Как известно, все буковинские русины - православные. В барак, где сидели православные священники, пришли 2 солдата и спросили:

- есть ли здесь русские, не католические священники.

Вышли двое пожилых пленных. Солдаты запрягли их вместо лошадей и возили на них огромную бочку с водой. Старики, заливаясь горячим потом, падали от усталости на землю, но немцы на это не обращали внимание, били их прикладами, подгоняя вперед.

Еще один сюжет из жизни концлагеря. Однажды в барак пришли солдаты, спрашивая, есть ли женщины, знающие чужие языки. К неожиданному и превеликому своему горю вызвались 4-ре интеллигентные женщины. Солдаты завели их в прачечную и приказали стирать солдатские тряпки. Окружив их со всех сторон, они поносили их такими словами и шутками, какими не щеголяет ни один уличный хулиган. Один из “героев” принес подштаники и обратился к одной даме:

- Гнэдиге Фрау, мои подштаники постарайтесь выстирать по-русски.

Солдатня заполнившая прачечную густою толпою, подняла адский хохот. Выполз второй “герой” и, бросив грязное и вшивое тряпье, повелел:

- Мадам, мои подштаники вы должны выстирать по-французски. По-русски не хочу, т.к. русские самые большие мошенники в мире. И опять бешенный хохот, и опять скверная брань.

Заливаясь горькими слезами, интеллигентные женщины полоскали немецкую вонючую грязь до поздней ночи, а солдатня угощала их своими бесстыдными остротами и насмешками. Положение было тем печальнее, что все обращения, жалобы, просьбы в адрес команд лагеря в Грац и Вену, на имя папского нунция и цесаря оставались без ответа.

Исходя из ложного понимания патриотизма, вся власть в Талергофе, от наивысших до маленьких гайдуков, обходилась с людьми самым жестоким и немилосердным образом: их били палками, канчуками, тросточками, прикладами, кололи турецкими ножами и штыками, плевали в лицо, рвали бороды, короче говоря, обращались хуже, чем с дикой скотиной. С каждым днем муки заключенных усиливались, удесятирялись и в плоть и в кровь внедрялись в брошенных на погибель людей. Иногда, время от времени, вызывали для допроса в Грац кого-нибудь из интеллигенции, и по правилам инквизиции следственные судьи выпытывали о настроениях и взглядах заключенных на Австрию.

Среди низшей службы особенно был лютым капрал, прозванный талергофскими узниками “рудым псом”. На своей черной совести он имел несколько убийств. О его злодеяниях говорил в австрийском парламенте выше названный чех Стршибрны. Из высших сатрапов Талергофа отметим прежде всего коменданта обер фон Штадлера. Этот тупой, едкий, ехидный Нерон, со всеми признаками дегенерата вступил в исполнение своих обязанностей по всем правилам военного диктатора: он велел оседлать себе коня и через ворота с австрийскими флагами и двуглавым орлом, с нагайкой в руке, въехал в гущу геллотов и париев. Как всевластный деспот, он грозно посмотрел на вверенный ему народ. Когда к нему приступили выборные и доложили, что в лагере свирепствует голод, что пленники тысячами умирают без медицинской помощи, что без одежды, обуви, мыла, свежей соломы, бани, света, печей в бараках жить невозможно, он весь посинел от злобы и гневно закричал:

- Марш! Для изменников у меня только есть свинец и штык.

Затем он въехал в барак, где скопилось много народу, на коне. Эта была наивная, глупая выходка зазнавшегося австрийского офицера, к тому же еще и рыцаря фон-Штадлера, который на конкретные жалобы интеллигентных людей не умел ничего лучшего ответить, как “Марш!”. Своим некорректным поведением он выпустил управление над своими чиновниками и они безнаказанно издевались над пленным народом, зная, что высшая власть не приведет их к ответу даже за самое гнусное злодеяние.

Но пакости немцев не могут сравниться с издевательствами своих соотечественников. Бездушный немец не мог так глубоко понять душу русина-словянина, как тот который назвал себя украинцем в роде официала полиции г. Перемышля Тимчука – интриганта, провокатора, доносчика, раба-мамелюка все в одном лице, который выражался о родном народе как о *Mistvieh* т.е. как о скотине. Он был правой рукой палача Пиллера, которому доносил на арестованных.

Однако, Тимчука перещеголял в этом деле украинец-панович Чировский, оберлейтенант австрийского запаса. Этот фаворит и любимчик фон-Штадлера, ничтожество, вылезшее на поверхность Талергофа благодаря своему угодничеству немцам и тирании над своими соотечественниками, появился в нем весной 1915 года. Все невольники Талергофа характеризуют его как профессионального мучителя и палача.

Чировский был небольшого роста, на вид грубый, коренастый мужчина заплывший жиром, с широким лицом, рыжей бородой и такими же усами, с толстым носом, на котором висело большое пенсне, удерживаемое сжимающей пружинкой. Он ходил дробным шагом, вприпрыжку. В левой руке он носил сверкающую саблю, в правой держал тоненькую трость. Входя на территорию лагеря, он как гончая собака вынюхивал носом, заглядывал во все дыры и щели, чтобы поймать кого-нибудь за “нарушение закона” и отвести в одиночную камеру. Поймав жертву, он потирал руки от радости, топтался на одном месте, хихикал предвкушая экзекуции над “провинившимися”.

Излюбленным занятием Чировского в Талергофе было производить частые ревизии в сумках, чемоданчиках и тюфяках. Переводить людей из барака в барак, по несколько раз в день сдавать “рапорты”, выводить людей на работы под усиленной охраной.

В “Записках” священника Генриха Полянского читаем о пронырствах Чировского такую заметку: “Дали нам нового настоятеля, поручика д-ра Чировского, с виду только гладкого и масленого. Ох, он уж знал как за нас братья! Утром в 6 часов – подъем; в 9 вечера – отбой. Сколько раз пришел Чировский на осмотр утром, а застав кого под одеялом, особенно женщин, срывал одеяло, грубо выкрикивая, поднимались крики и плачь, т.к. часто матери с маленькими детьми, которые ночью не давали им спать, засыпали утром, а это ужас как раздражало Чировского”.

Во время военного хаоса он всеми силами старался набить свой карман чужой монетой. Была это продажная шкура и шарлатан с бесстыдным языком. Народ, из которого он вышел, не представлял для него ни малейшей цены. Партийный шовинизм не знал у него ни меры, ни границ.

Дьявол в людском облике! Чировский был специалистом от немецкого “Анминден”, он извлек огромную пользу по случаю набора рекрутов в армию в то время, когда студенты называли себя русскими. Это злодеяние взбесило украинца, австрийского лейтенанта запаса до того, что он потребовал военного суда над студентами. В канцелярии лагеря он поднял страшный шум, спровоцировав всех офицеров и капралов, и, обрадованный этим фон Штадлер стал вызывать студентов на допросы. Но ни один из них не отступил от раз сказанного, хотя Чировский со своими сторонниками очень злился, так что даже угрожал кулаками.

Не помогло! Студенты твердо стояли на своем и были готовы на большие жертвы за имя своих предков. Их конфликт закончился тем, что фон Штадлер всех приговорил к трехнедельному заключению в одиночных конкурках под усиленной стражей и усиленным постом, а после этого на 2 часа “Анбинден”. Понятно, что экзекуцию подвешивания исполнял сам Чировский по всем правилам военного времени. Каменного сердца выродка не тронули ни слезы матерей, ни просьбы отцов, ни обмороки, ни кровь юношей, у которых она пускалась из уст, носа и пальцев.

Пришла, однако, пора, и поскользнулась крепкая ножка пана Чировского. Будучи жадным на деньги, он пускался в большие злоупотребления и хитростью обманывал наивных, обещая им свободу при помощи “украинской комиссии” в Граце во главе с доктором Ивановым Ганкевичем, зятем Кости Левицкого. Тут и пришел конец оберлейтенанту. Немцы поймали его на мошенничестве, бросили в тюрьму, разжаловали из офицера в простого солдата. В Талергофе все говорили, что досталось ему по заслугам!

Черная физиономия Чировского перешла в историю мартирологии, претерпевших страдания галицко-русского народа. Ни один украинский адвокат, ни один украинский “письменник” не в силах обелить его. Хуже немцев топтал он чувства своих земляков, и все “ад майорем Австрие глориям” будто бы для Украины. Вышедши из того же народа, что и мученики Талергофа, он знал куда ударить, как добраться до живого сердца и сделать жизнь в тюрьме еще более невыносимой. Варварство его дошло до того, что велел на могиле под соснами уничтожить православные кресты, доказывая немцам, что в этих крестах таится символ русской веры и русской идеи.

Но довольно о Чировском! В другой раз кто-то лучше и больше меня расскажет о нем и Талергофе, площадь которого можно приравнять разве к арене большого нероновского цирка, где погибали невинные христиане и гладиаторы, которые идя на смерть должны были прославлять тирана словами: здравствуй цесарь, умирающие приветствуют тебя! Так и наши люди, высохшие от голода и побитые штыками, должны были проявлять свое верноподданство угнетателю славян. По приказу посланного в Талергоф священника украинца Карняка участники литургии, в часовне, должны были петь: “Боже, буди покровитель цесарю и его краям” и кланяться немецким идолам.

Последствия Талергофа были ужасны: 3000 пошло на вечный отдых под сосновый лес; сотни пали от побоев и больше не поднялись, многие сошли с ума, другие лишились зрения и остались калеками на всю жизнь. Для примера укажем на 2-х священников: о. Бакевич сошел с ума под влиянием мании преследования. Его обвинили в том, будто он на исповеди склонял своих прихожан не стрелять в русских. Священник Игнатий Гудима, сидевший 2 года в тюрьме накануне войны, был вторично арестован по доносу законоучителя Софрона Глебовицкого в начале войны, вышел из Талергофа умалишенным. Вполне справедлива крестьянский поэт Иван Федоров Федоричка называет Талергоф “ямою Данила”, де миж звирями погибав русский чоловик, де неправда ясну правду роспинала на хрести, де за наш хлиб, добро, за дань крови и монети видплатилися багнетом и кольбою пид ребро”.

Муки в Талергофе продолжались от 4 сентября 1914 года до 10-го мая 1917 года. В официальном рапорте фельдмаршала Шлеера от 9 ноября 1914 года сообщалось, что в Талергофе в то время находилось 5700 руссофилов. Из публикации Василия

Маковского узнаем, что осенью того же года там было около 8 000 невольников. Не подлежит, однако, сомнению, что через талергофское чистилище и горнило прошло не менее 20 000 русских галичан и буковинцев.

Администрация Талергофа считала только живых, на умерших не обращала внимание, а число их, как выше сказано, было все-таки внушительным. Талергофский лагерь постоянно пополнялся все новыми и новыми партиями заключенных из-за наступления русской армии. Не было в русском Прикарпатье села или семьи не пострадавших от захватчиков. Мало того! Не редким явлением в 1914-1915 годах были массовые аресты целых селений. Кажется, что 30000 будет не полной цифрой всех жертв в пределах Галицкой Руси. Украинские хитрецы и фальсификаторы истории пускают теперь в народ всякие блахманы, будто в Талергофе мучились “украинцы”. Пусть украинцы, но украинцы типа Зубрицкого, Наумовича, Гоголя, которые Прикарпатскую Русь, Волынь, Подолье и Украину считали частями Русской Земли.

Горсточка “самостийных” украинцев, которые в военном замешательстве, по ошибке или по доносам своих личных противников, попали в Талергоф, очень скоро, благодаря украинской комиссии в Граце во главе с д-ром Иваном Ганкевичем, получили свободу. В бредни украинских подлогов никто не поверит, ибо как могли в Талергофе томиться украинцы за украинскую “идею”, когда Австрия и Германия создали самостийну Украину?

Старый грешник Кость Левицкий, припертый к стене д-ром Д.А. Марковым и д-ром И.А. Андрейко приговоренными к смерти венским военным трибуналом, договорился до того, что культ талергофских мучеников среди галицко-русского народа является выменой на другой грош русской идеологии. Ой, сильно Кость ошибается и неправду говорит в живые глаза тем, которые по его же вине претерпели Талергоф. Будущий историк Прикарпатской Руси соберет все ее слезы и как жемчужины нанижет на терновый венок ее мученичества. Он вынесет свой справедливый приговор.

Сегодня еще не пора, но уже большинство галицкой общественности понимает, что партийная слепота в одном и том же народе, создает страшную вражду, плоды которой низводят человека на степень бесчувственного животного: донос, клевета, кривая присяга, издевательство становится его насущным и повседневным хлебом; ни мать, ни отец, ни брат, ни сестра, ни сосед, ни приятель не имеют для него значения, т.к. его месть и злоба не знают границ.

Во время войны много, очень много таких извергов вышло из галицкого народа; и этот прискорбный факт больше всех ран. Свихнутые единицы из евреев, немцев, поляков нас не удивляют, но как же печально, что в галицко-русском народе австрийский сервизм и дух рабства толкнул брата на брата. Из бесконечного числа известных и не известных доносителей и провокаторов первое место заняли, в силу своей профессии, жандармы.

Самыми свирепыми были:

1. Онуферко - в селах Кривче и Крецов добромильского уезда, издевался над крестьянами, доносил на них, арестовал многих. Т.А. 1, стр. 46.

2. Процев - комендант жандармского поста в Речице Рава - Русского уезда, арестовал русских крестьян и всех священников в окoliце. Т.А. 1, стр. 117.
3. Пушкарь - свидетель в процессе С.Ю. Бендасюка, немилосердно избивал православных крестьян в с. Залучье снятинского уезда. Т.А. 1, стр. 138, 139.
4. Щур - вымещал на крестьянах с. Переволочной золочевского уезда и нескольких выслал в Талергоф. Т.А.П. стр. 15.
5. Когут - бесился на Лемковской Руси.
6. Грицак - там же наводил ужас на жителей.
7. Гургелевич арестовал многих.
8. Слободян - тянул в тюрьму всех русских лемков.
9. Ключник - присягнул криво на декана Петра Сандовича. Т.А. 1, стр. 179.

Совместно с жандармами шли в ногу сельские старосты, начальники и их писари и редкие из них исполняли свой долг честно. Большинство из них было на побегушках уездных старост, такие как:

1. Левицкий Иван - староста с. Григорова рогатинского уезда Т.А. 1, стр.120.
1. Клуб Михаил - писарь с. Каменки-Липника Рава русского уезда. Т.А. 1, стр. 115.
2. Кузьма Андрей - староста с. Мыцовой сокальского уезда. Т.А. 1, стр. 142.
3. Слюзарь Михаил - староста с. Сосницы ярославского уезда. Взяв себе в помощь Михаила Кушнира и Панька Василину, жестоким способом расправился над своими односельчанами. Т.А. 1, стр. 172.
4. Кецко Иван - писарь с. Манаева зборовского уезда, заносил в свой список русских не только своего села, но и окрестных деревень.

Читатель поймет, что жандармы, начальники волостей и писари делали каинову работу в силу своих обязанностей, чтобы заслужить благоволение, милость, похвалу от своих высших властей. Поэтому можно до некоторой степени простить им их вину, но каинова работа галицко-русской интеллигенции достойна самого строгого публичного осуждения.

Между доносчиками учителями были отвратительные типы:

1. Шерстило Иван из с. Сулимоса жолковского уезда. Т.А. 1, стр. 57.
1. Краевский Лука, с. Таданье каменского уезда. Т.А. 1, стр.69.
2. Коблянский, с. Корничи самборского уезда. Т.А. 1, стр. 126.
3. Горошко, с. Сосница, ярославского уезда. Т.А. 1, стр. 172.
4. Команий, с. Гладышов горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
5. Перейма, с. Ропица Русская горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
6. Гуцуляк Михаил, с. Избы горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 196.
7. Гусак Антон, с. Мохначка грибовского уезда. Т.А. 1, стр. 191.
8. Ницота, с. Снетница грибовского уезда. Т.А. 1, стр. 191.

В документальной части Талергофского Альманаха (вып. 1-й) находим характерный донос плацкоменданту во Львове, в котором доносчик:

1. Божиковский Алоизий пишет, между прочим, следующее: "Питая безграничную симпатию к австрийским вооруженным силам, обращаю внимание

высокого плацкомендантства на каноников-москвофилов львовского митрополичьего капитула, имеющих в своих квартирах много компрометирующего материала. Фамилии этих священников: о. А. Билецкий, о. М. Пакиж, о. А. Бачинский, о. Д. Дорожинский, известны российской охране, с которой они вели переписку до последнего момента. Т.А. 1, стр.27, 28.

Весьма трагическим и даже непонятным явлением 1914 года было то, что священники, проповедники любви к ближнему и всепрощения, нашлись в рядах доносчиков:

1. св. Соколовский Виктор, с. Молотов бобрковского уезда. Т.А. 1, стр. 26.
1. св. Костишин Евгений, м. Глипяны перемышльского уезда. Т.А. 1, стр.97.
2. св. Крайчик Николай, с. Маковиска ярославского уезда. Т.А. 1, стр. 167.
3. св. Менцинский Емельян, с. Маластов горлицкого уезда Т.А. 1, стр. 179.
4. св. Подлящецкий Петр, с. Гладышов горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
5. св. Заяц Гнат, с. Мацина Великая, горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
6. св. Говда Александр, с. Боднарка горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
7. св. Дороцкий Михаил, с. Злоцкое новосандецкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
8. св. Смолинский Василий, с. Ростока Великая новосандецкого уезда. Т.А. 1, стр. 191.
9. св. Гринчук Иван, с. Матиева новосандецкого уезда. Т.А. 1, стр, 191.
10. св. Петрушевич Стефан, с. Колосов радеховского уезда. Он лично требовал в жандармской управе очистить его село от “кацапов”. Т.А. 1, стр. 118.
11. св. Глебовицкий Софрон, законоучитель в бродовской гимназии, настойчиво требовал от уездного старосты Де-Лежа, чтобы велел арестовать всех руссофилов в городе и уезде.

Наибольший успех, достигнутый в состязаниях доносительства имели горе-политики руководителей украинской партии в Галичине, все депутаты венского парламента и галицкого сейма, все “мужи доверия”, адвокаты, агитаторы:

1. Д-р Кость Левицкий, председатель парламентского клуба, львовский адвокат, свидетель на венских процессах, автор многочисленных устных и письменных доносов.
2. Василько Николай, австрийский барон, глава буковинского украинского парламентского клуба, был грозою на Буковине еще накануне войны.

Доносами были заполнены все газеты украинских партий и в Галичине, и в Буковине, особенно “Діло” и “Свобода” занимались этим аморальным ремеслом и были информаторами австрийской полиции и военных штабов. Несчетное количество явных и анонимных доносов сыпались туда, и на основании этих заведомо ложных депеш, падали жертвой совсем неповинные русины не только со стороны немцев и мадьяр, но и от рук своих земляков. Так украинские “Січовики” набросились в Лавочном и Карпатах с прикладами и штыками на транспорт арестованных, чтобы переколоть ненавистных им “кацапов”, хотя там не было ни одного великоросса, а все были галичане, такие же как и “січовики”. К

сожалению эти стрелки, прославляемые украинскими газетами, как народные герои, не дооценивали положение своей отчизны. Они избивали родной народ до крови, отдавали его на истребление немцам, чинили самосуд над родными.

Когда “січовики” конвоировали арестантов из бригадской тюрьмы на главный львовский вокзал, то бесились до такой степени, что 17 крестьян и священников пали на мостовую и их отправили в больницу. “Січовики” добровольно врывались в тюрьмы. Один из них Шаповалов в Яворове издевался над мещанами, состоя советником полиции.

В с. Гнилой турчанского уезда “січовики” самовольно производили аресты, гоняли людей и подвергали их разного рода издевательствам. Вместо того, чтобы взять под защиту своих братьев перед сборищем лютой толпы, они сами пособляли врагам Руси и, конечно, Украины, нести раны и смерть родным братьям. Можно ли это назвать патриотизмом? Здоровое ли это явление - хотя бы “січова” песня, записанная крестьянином с. Кутище бродовского уезда Петром Олейником?

Українці п`ють,
гуляють, А кацапи
вже конають.
Українці п`ють на
гофі, А кацапи в
Талергофі.
Де стоїт стовп з телефона,
Висить кацап замість дзвона
Уста йому посиніли,
Чорні очі побіліли,
Зуби в крові
закипіли, Шнури
шию переїли.

Это смакование в братской любви вызывает отвращение от таких “героев”. К сожалению, еще и теперь их полно на нашей убогой земле. Еще и теперь пугают и угрожают Талергофом и кровавой расправой. В №32 “НОВОГО ЧАСА” (Львов, 11.2.1934) какой-то кандидат в палачи кличет: **“Наши недобытки “русских” заворушилися, и саме на це треба звернуты увагу и цього не легковажиты, але з корнем выполюваты хабуззя, яке тилькы завдякы нашый добродушности (!?) все такы до тепер не щезло”**.

Стой, братаец! Напрасно вопишь! Запугать тех, которые в ожидании смерти томились в гарнизонных арестах и в Талергофе претерпели “Анбинден” Чировских невозможно. Здесь не угроз, но чего-то другого нужно. Следует обратиться к народной мудрости. Старые слепцы-лирники поют прекрасную думу про бурю на Черном море.

Однажды казакам угрожала гибель в грозных, всколыхнувшихся волнах моря. Атаман призвал всех в лодке к исповеди грехов. Выступил Алексей Попович, который сознался, что не почитал ни отца ни матери, ни брата ни сестры, что

смеялся над материнской молитвой, что конем топтал старых и малых, и теперь жалеет, что творил такие мерзкие дела. И чудо! После исповеди и покаяние грешника утихла буря на море. Честные граждане, не имеющие запятнанных рук братской кровью, должны осудить угнетателей и плачей родного города, а всех, кто приложил свои руки к нечистому делу, должны покаяться со всех своих вольных и невольных прегрешений.

Наконец, спросим: за что шли на муки и в Галергоф русины Прикарпатья?

Все славяне, жители Австро-Венгрии предчувствовали ее распад. В предсмертной агонии ее правители, все ее власти становились без меры лютыми и всю свою злость изливали на славян. До некоторой степени этот поступок разлагавшегося организма оправдан, хотя был насквозь ненормальным и неморальным. Разбитым параличем Австро-Венгрия хотела, чтобы хорват был врагом серба, чтобы словак ненавидел чеха, чтобы поляк наступал на русина, чтобы русин отказался от Руси. Однако какой нищей была бы душа, когда она отказалась бы по чужому приказу от имени, за которое пролито столько крови? Это означало бы, что такой народ скоро и легко пристал бы к господствующему народу и к каждому, и к каждому, кто его лишь достал бы под свою руку. Это означало бы процесс его дегенерации. К счастью на удочку пошла только часть галицко-русского народа.

Более критические умы скоро убедились в том, что украинская пропаганда на Галицкой Руси - Это чужая петля на ее шею. Они не поверили в обман, будто уже древний греческий историк знал Украину, будто Украина древнее Руси, будто Украина и Русь одно и то же. Они заглянули в летопись Нестора и ничего в ней не вычитали про Украину, зато узнали *“откуда пошла есть земля Русская”*. Они внимательно прочли *“Слово о полку Игореве”* и не нашли в этом удивительном памятнике XII ст. Ни одного слова про Украину, но нашли Русь от Карпат, от Галича до Дона и Волги, от Черного моря до Немана. Они должны были признать темной клеветой, будто князь Владимир Святославович княжил на Украине, а не на Руси, будто князь Ярослав Владимирович собрал законы в украинскую, а не *“Русскую правду”*. Перебирая памятник за памятником, они пришли к заключению, что аскет Иоанн Вишневский, писатель XVII ст., обращал свои высокоидейные послания к Руси и защищал славяно-русский язык, который ярые украинцы совсем отюрасывают, что Зубрицкий, *“русская троица”* Вагилевич, Шашкевич и Головацкий, Дедицкий, Гушалевиц, Шараневич, Наумович, Залозецкий, Хиляк, Мышковский, Мончаловский, Полянский, Яворский, Свистун, Вергун, Марков, Глушкевич, Бендасюк и много других галицких историков и писателей завещали своим потомкам Русь, как наибольшее сокровище.

Защитники Руси нашли самую сильную опору в массах галицкого народа. Крестьянину трудно было сразу перекреститься с русина на украинца. Ему тяжело было потоптать то, что было для него святым и дорогим. Еще тяжелее было ему понять, почему украинские профессора как то туманно, хитро и блудно меняют

Русь на Украину и путают одно имя с другим. Всем своим существом народ осознал, что творится неправда, фальш, измена, тем более, что предводители украинской затеи явно и открыто перешли на сторону немецкого и мадьярского террора в злыдни войны.

Для народных масс непонятна была проповедь звериной ненависти к “москалям”, т.е. великоруссам. Верной интуицией, непосредственным восприятием угадывали и чувствовали родство с ними, как и с белоруссами, считая их самыми близкими племенами своей малорусской народности. Чем сильнее был напор на Русь, тем упорнее становилась ее защита на Карпатах.

За Русь на виселицы, на расстрелы, на издевательства и муки в Терезине, Талергофе, Вене и других тюрьмах и концлагерях Австро-Венгрии шли тысячи за тысячами, и страдали, и умирали за русскую веру своих предков, за русскую церковь, за русскую икону, за русское слово, за русскую песню, за русскую душу, за русское сердце, за русскую волю, за русскую землю, за русскую честь и совесть.

Вот за какие святости падали головы в руки палача! Вот за какие идеалы шли тысячи на чужбину в лютейшие таборы смерти! Перед этими именно святостями и идеалами низко клонили и всегда будут низко клонить головы население Прикарпатской Руси.

Об этом свидетельствуют лучше всего многочисленные, ежегодные поминки и тризны на могилах жертв террора, многочисленные памятники на курганах в галицко-русских селах, обильные пожертвования на величавый памятник на Лычаковском кладбище во Львове с надписью “Жертвам Талергофа - Галицкая Русь”, все новые и свежие статьи, очерки, воспоминания, рассказы в поэзии и прозе, посвященные страшному, кровавому лихолетью.

Послесловие

В предисловии мы упомянули в нескольких словах об авторе. Справедливость требует отметить автора библиографии Р.Д. Мировича, который положил много труда при собирании литературы относительно событий связанных с Талергофом. В его труде, кроме русских авторов и газет, приводятся тексты украинских, польских, чешских, румынских, сербских и немецких авторов и газет.

Типография, в которой печатался этот очерк, не имела польских, чешских, румынских и немецких матриц. Поэтому пришлось ограничиться латинским

шрифтом. Читателю, знающему вышеупомянутые языки, не трудно будет разобраться в производимых текстах.

Издатель

в. ЛИТЕРАТУРА

1. Основным способом для познания зверств австро-мадьярской военщины в пределах Прикарпатской Руси остается до сих пор «Талергофский Альманах» в 4-х выпусках, Львов, 1924-1932, с прекрасными вводными статьями д-ра Ю.А. Яворского «Галицкая Голгофа» и М.А. Марко «Виновники и мучители». Это ценное издание содержит в себе множество документов, бросающих свет на произвол и разгул австро-мадьярского режима накануне и во время первой мировой войны.
2. Андрейко И.А. - Венские процессы. «Русский Голос», Львов, 1934, № 1.
3. Андрейко И.А. - Из Талергофа в Вену. (Воспоминания по случаю 20-летней годовщины). «Русский Голос», Львов, 1935, № 17.
4. Андрейко И.А. - От родной лемковщины по Талергоф. (Крестный путь из Тылича через Мушину, Новый Санч, Талергоф в Вену). Воспоминания. Рукоп.
5. Андрейко И.А. - Второй венский процесс о государственной измене против русских галичан и буковинцев (1915-1917 г.г.). Воспоминания часть вторая. Рукоп.
6. Андрусак М. - Глумление в Талергофе. «Діло», Львов, 1933, № 184.
7. Андрусак М. - Галицкое москофильство і Талергоф. «Діло», Львов, 1933, №№ 231-234.
8. Андрусак М. - Галицкая болячка. «Діло», Львов, 1993, № № 231-234.
9. Аскольдович. - Мученики. «Правда», США, 1924.
10. Ауслендер Виталий. - Талергоф. (Галицкая Русь перед войной. - Война объявлена! -Русские галичане -«это российские шпионы».-Мадьярские виселицы. - Аресты. - Лагеря для интернированных. Украинская опека. - Сотрудники австрийского генштаба. - Могилы Талергофа. - Свобода. - После Талергофа. - Культ Талергофа. - Борьба за Талергоф). «Русское Слово», Варшава-Вильна, 1934, № 123.
- 10 а. Беляев В. - Граница в огне. Киев, «Советский писатель» 1950. (Реминисценции о талергофцах в с. Скоморохи сокальского района).
11. Бендасюк С.Ю. - Памяти о. Максима Сандовича. «Воскресение», Львов, 1935, № № 1, 2; 1936, № № 1, 2.
12. Бендасюк С.Ю. Речь на торжестве памяти о. Максима Сандовича в с. Чорном, горлицкого уезда, 9-го сентября 1934 года. Варшава, 1935.
13. Билинкевич И. - Принчич. (Воспоминание из Терезина. «Русский Голос», Львов, 1923, № № 41, 42.
14. Билинкевич И. - Звонарь Матвей. «Временник», Львов, 1925.
15. Билинкевич И. - Из «хождений по мукам». (Воспоминания о конфинации (заточении) в Оберголлябруне возле Вены в 1915 г.). «Временник», Львов, 1926.

16. Билинкевич И. - Талергоф. (Сцен. Карт.). «Наука», Львов, 1929.
17. Д-р Богатырец К.Д. - Защитительная речь и последнее слово перед венским военным судом в процессе о государственной измене (1915-1917 гг.).
18. Д-р Богатырец К.Д. - Картины австро-мадьярского террора ввиду своих граждан русской национальности в первую мировую войну, собраны по документальному труду д-ра Федора Балана: «Угнетение национальных движений в Буковине во время мировой войны 1914-1918, Черновцы, 1923. Рукоп.
19. Булик С. - Как герои умирали. «Наука», Львов, 1927, № 4.
20. Брусилов А.А. Ген. - Мои воспоминания. Изд. 4-е. М., Воениздат, 1946.
21. В. 1. - Благодарность за верную службу. «Новый Час», Львов, 17/III 1934. Это рецензия на публикацию: «Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914-1918». Рецензент добавил от себя: «Тени здытынилых ц. и к. фельдмаршалков, кровожадных ц. и к. фельдгерихтив, злодейских интендантов сверкают на страницах той страшной книжки; и сверкают тени тех 60-ти тысяч наших мучеников, без суда й без права замордованных черножелтыми катами во имя его ц. и к. величия».
22. Ваврик В.Р. - Терезин - Терезиенштадт. «Русский Голос», Львов, 1922, №№ 17-18. См. Тоже «Русский Голос», Львов, 1925, №№ 116-117.
23. Ваврик В.Р. - Малая крепость в Терезине «Русский Голос», Львов, 1924, № 32.
24. Ваврик В.Р. - Св. Вечер в Терезине «Русский Голос», Львов, 1925, № 1-2.
25. Ваврик В.Р. - Талергоф. «Русский Голос», Львов, 1925, №№ 108-110, 115, 117.
26. Ваврик В.Р. - Костя Левицкий. «Русский Голос», Львов, 1926, № 160.
27. Ваврик В.Р. - Калинин сруб. Рассказ. Львов, 1926.
28. Ваврик В.Р. - В водовороте. Повесть. «Временник», Львов, 1926 и отдельный оттиск.
29. Ваврик В.Р. - Черные дни Ставропигиального института, Львов, 1928.
30. Ваврик В.Р. - о. Игнатий Гудыма. «Русский Голос», Львов, 1927, № 216.
31. Ваврик В.Р. - В кольце штыков. (Памяти Юлиана Осиповича Кустыновича). «Русский Голос», Львов, № 280/281.
32. Ваврик В.Р. - Последний день Михаила Кота. «Земля и Воля», Львов, 1928, № 40-41.
33. Ваврик В.Р. - Великдень в Терезинской крепости. «Наука», Львов, 1929, № 1.
34. Ваврик В.Р. - В перекрестных огнях. Повесть ч.1. Львов 1929., ч.2. Львов 1936., ч.3. Львов 1937., ч.4. Львов 1938., ч.5. Львов. 1938.
35. Ваврик В.Р. - Картины Талергофа. «Иллюстрированный календарь на 1930 г.», Львов, изд. О-ва им. М. Качковского, 1929.
36. Жертва австрийского террора о. Игнатий Гудима. «Русский Голос», Львов, 1930, № 27.
37. Ваврик В.Р. - Маша. Картина австро-мадьярского террора в 1914 году. «Временник», Львов, 1933, и отдельный оттиск.

38. Ваврик В.Р. - По дороге до Талергофу. (Расстрел 46-ти селян и трагедия Мохнацких. Трагедия родины Сандовичив). «Земля и Воля», Львов, 1933, №№ 28-31.
39. Ваврик В.Р. - Талергоф. Картины из жизни галицких мучеников в немецкой неволе. В 4-х действиях. Львов, 1933.
40. Ваврик В.Р. - Еще одна книжка о Талергофе. (О кн. «Талергоф». Вас. Маковского). «Русский Голос», Львов, 1934, №№ 7, 9, 10.
41. Ваврик В.Р. - Значение Талергофа (По случаю 2-го Талергофского Съезда, 31 мая 1934 г.). Львов, 1934. Там же: Речи, приветствия, отзвывы.
42. Ваврик В.Р. - Отец Игнатий. Поэма. «Иллюстрированный народный календарь на 1934 г.», Львов, изд. о-ва им. М Качковского, 1934. То же отдельный оттиск.
43. Ваврик В.Р. - Талергоф. В 20-тые роковые годы народной трагедии галицко-русского народа. Львов, 1934.
44. Ваврик В.Р. - Талергоф. В 20-ю годовщину народной трагедии галицко-русского народа. Львов, 1934.
45. Ваврик В.Р. - Талергоф идея. «Временник», Львов, 1934.
46. Ваврик В.Р. - Дед Клим. «Календарь о-ва им. М. Качовского на 1937 г.», Львов, 1936.
47. Ваврик В.Р. - Разорение гнезда. Картина военного террора на Галицкой Руси в 1914 г. «Наука», Львов, июньиюль, 1936.
48. Ваврик В.Р. - Талергофское кладбище. «Русский голос», Львов, 1936, №8.
49. Ваврик В.Р. - О нашем Талергофе (1. У памятника, 2. «Злочин», 3. Речь чеха о Талергофе). «Русский Голос», 1937, № 24).
50. Ваврик В.Р. - Дмитрий Андреевич Марков. «Временник», Львов, 1938.
51. Ваврик В.Р. - 25-летие галицко-русского мученичества. «Русский Голос», Львов, 1939, № 175.
52. Ваврик В.Р. - За что судили 25 лет тому назад? (О процессе С.В. Бендасюка и тов.) «Русский Голос», Львов, 1939, № 185.
53. Ваврик В.Р. - Талергоф. По случаю его 25-летней годовщины. (Сборник о братской могиле 1767 талергофцев в Фельдкирхек после ликвидации кладбища «под соснами» с изображением часовенки на братской могиле. «Русский Голос», Львов, 1939, № 118.
54. Ваврик В.Р. - Талергоф. «Львовская Правда», Львов, 1946, № 77.
55. Ваврик В.Р. - На закате гаснущих дней. (Автобиографические очерки.) Рукоп.
56. Ваврик В.Р. - Терезин и Талергоф. Сборник. (Статьи, очерки, стихи, драматические картины, рассказы, воззвания, заметки, справки). Львов, 1964, Рукоп.
57. Вальницкий Е.М. - Интернированные русские в Австрии. «Карпато-русский Голос», Ужгород, 20/X 1933.
58. Вальницкий Е.М. - Белая смерть и встреча с Талергофцем. «Карнаторусский Голос», Ужгород, 26/X 1933.
59. Вергун Д.Н. - Талергоф (Стихи). В сборнике «Карнаторусские отзвуки», Нью-Йорк, 1920.

60. Вергун Н.Д. - О талергофцах в Зитцендорфе. «Русский Голос», Львов, 1939, № 135.
61. Владимир, иеродьякон. - Друг Подъяремной Руси и славянства протоиерей Николай Рыжков. (К 60-тилетию со дня рождения 1868-1928). «Православный русский календарь на 1929 год», Ладимилова на Словенску, 1928, с. 14-20 с портр. (Примечание: прот. Н. Рыжков, настоятель православного храма в Праге, был приговорен венским дивизионным судом в 1917 г. к смертной казни через повешение, затем амнистирован).
62. Витязевский С. - На первом Талергофском съезде. «Русское Слово», Варшава-Вильно, 1934, № 123.
63. Военно-полевые суды в Австрии во время войны. «Прикарпатская Русь», Львов, 1919, № 8.
64. Вопрос о единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 г. Научные показания проф. д-ра В. Вондрачка о роли и сущности русского литературного языка по отношению к его наречиям с вводной заметкой автора и с предисловием и с примечаниями д-ра Ю.А. Яворского. Львов, изд-во «Живое Слово», 1924, с.64.
65. Г.Г. - Из моего военного дневника. (Воспоминания о великой святой войне 1914 - 1918 г.г.). «Наука», Львов, июнь - июль 1936.
66. Ганелка Ф. - Австрийский террор. Объяснения к картинам. Прага, 1924, (Подано за «Русским Голосом», Львов, 1925, № 116/117).
67. Гагарин А.П., проф. - Из истории идеологической борьбы в Западной Украине. «Советская наука» 1940, № 6, стр. 3-16.

В очерке автор, между прочим, пишет: «Наиболее сильные преследования русского и украинского населения начались с момента империалистической войны. Кровавая трагедия разыгралась в начале войны в Талергофе. Началось с того, что в селе Волощине мадьяры привязали к повозке галичанина Ивана Терлецкого и поволокли его окровавленного за ней, а также безжалостно поступили с 55-летним крестьянином Михаилом Котом. Потом пошли аресты крестьян и крестьянок, называвших себя русскими, а также повешение ни в чем не повинных людей, в том числе стариков и женщин, считавших себя русскими. Расправе и разгрому подверглись украинские и русские организации во Львове, Перемышле и других городах. Особенно неистовствовал террор в западной части Украины: здесь насчитывались тысячи арестованных. Талергофский концентрационный лагерь в песчаной долине у подножья Альп, недалеко от Граца, сделался местом истребления лучших сынов Западной Украины. Чего не смог сделать австро-венгерский штык, довершили тиф и холера, холод и голод. Был случай, когда 11 человек заключенных в лагерь, как значится в похоронном дневнике, «загрызли вши». Свыше 3000 сынов и дочерей Западной Украины погибли в Талергофе. А около 20 тысяч заключенных, оставшиеся в живых, покинули лагерь калеками, больными, избитыми.

Один из историков Талергофа писал: «Будущий историк Галицкой Руси соберет все ее слезы и как бриллиантами украсит терновый венок ее мученичества... Люди гибли за победу русской правды, за русское сердце, слово и знамя, за

русскую песню и читальню, за русскую землю, за свободу, за освобождение прикарпатских народов от национального гнета и порабощения».

67. Гануляк Г.Г. - Могила над Бугом. «Календарь о-ва им. Качковского», Львов, 1920.
68. Ганкевич Л. - Табор интернированных в Енценсдорфе. Причинв нашей Талергофской трагедии. «Діло», Львов, 1934, №№ 74-76.
69. Гаталяк П.П. - Мой побег из Терезинской крепости. Ужгород, 1934.
70. Годы великой войны в жизни русского Прикарпатья. (Материалы по истории). Вып. 1. Львов, изд. Ф. Мельников, 1919.
71. Грабец М.Ф. - К истории Мармарошского процесса. (Дело 94-х -29.12. 1913. 3.03.1914). Ужгород, 1934, 56 стр.
72. Городчук О. - Памяти мучеников Талеогофа. «Кооперативный вестник», Львов, 1933, № 10.
73. Григорий Б., прот. - Памяти протоиерея Касиана Богатырца. «Православный вестник», Львов, 1961, № 2, (с портр.).
74. Гузюк П. - Накануне. Повесть., Львов, 1955. (Об австро-мадьярских зверствах автор говорит: у Галичан правда о братском единстве Руси пережила века. Не стерли ее не тюрьмы, не цепи, не львовские предатели, не талергофы, не проклятие Рима. (с.24).
75. Гукевич Н.А. - Приезд в Талергоф. «Календарь о-ва Качковского», Львов, 1919.
76. Глушкевич М.Ф. - Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси в связи с Великой войной. Ростов на Дону, изд. А.Г. Батыкого на складчину ростовских Карпаторусских беженцев, 1917, 32 стр.
77. Горлицкий бурсак. Часть 2-я «Карпаторусский Календарь Лемко-Союза на год 1953»,. 73-83. (В очерке описаны аресты в Горлицком уезде, жизнь в Горлицкой тюрьме в августе-сентябре 1914 года и казнь о. Максима Сандовича).
78. Дериг Анат. - Талергоф. (Стих). «Временник Ставропигийского Ин-та на 1918 год», Львов, 1927.
79. До истории народной мартирологии в 1914 году. Страшна экзекуция над русскими в Каменоброди городецкого уезда «Земля и Воля», Львов, 1934, № 14.
80. Добромира (Ганасевич О.Р.) Русская женщина и Талергофские поминки. «Наука», Львов, 1933.
81. Долина Святослава (1. Б.) «Земля и Воля», Львов, 1933, №№ 32, 33. (Рассказано о жертвах 1914 года в с. Коростов Скольского уезда).
82. Дольницкий. Из минувших дней (часть мемуаров «Воспоминания о Талергофе»). Календарь «Миссионера» на 1924 год, Жолква, 1923, стр. 122-135.
83. Езерский И. - Яворивский музей не служит справи идеологичного виховання трудящихся. «Вильна Украина», Львов 1918, № 13 за 18/1.

(В статье сказано, между прочим: «Замовчується також одвичие прагнення галичан до возз» еднання з своим старшим братом - российским народом, хоч добре видно, що кращи люди захидноукраїнських земель за це гинули на

шибеницях під час імперіалістичної війни 1914-1918 г.г., були катовани в Талергофському таборі, Берези-Картузкий...»).

84. За Мазепу можно - за Талергофцев нельзя. «Земля и Воля», Львов, 1933, № 4. (О препятствиях чинимых украинским епископам в устройстве торжественных богослужений по Талергофцам).
 85. Запитив в 1914 г. Видкрите письмо до жителів Запитова. «Земля и Воля», Львов, 1933, № 18.
 86. Зверства немцев в войну 1914-1918 г.г. Из документов первой Мировой войны. Архивный отдел Управления НКВД по Ленинградской области, д. № 481/600 л. 1, и д. № 432/545 л. 3, Л., 1943 (цит. по: Осечинский В.К. «Австрийский военно-полицейский террор в Галичине во время Первой Мировой войны». Сб. Львовского Государственного Университета. Научные записки., т.43, Львов, 1957, стр. 73 и 85).
 87. Зынинъ С. (Дуркотъ С.) – Лемковина–Сибирь, Львовъ, 1934, (Въ брошюре указано, что въ первую міровую войну каждый 50-й лемко былъ заключень въ Талергофе или другой тюрме).
 88. Изъ воспоминаній 1914 года (И.И.К., Занытов). «Народный Календарь на год 1923, изд. о-ва им. М. Качковскаго. Львовъ, 1922, с. 56-57. (Воспоминаніе посвящено 16-ти замученнымъ жертвамъ австрійскаго террора въ Занытове).
 89. Искра. – Новое испытаніе. «Прикарпатская Русь», Львовъ, 1915, № 1561 за 2/III 1915. (Передовая объ австромадьярскихъ зверствах).
 90. Къ тяжкому 20-тилетию. «Правда», Филадельфія, ..._?а., 1934, №40.
 91. Казанскій Е. – Современное положеніе Червонной Руси. Австро-венгерскія зверства. Одесса, 1914.
 92. Календарь міровой войны «Русскій Голосъ», Львовъ, 1939, № 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192.
 93. Календарь, ец С. М.–3 кровавыхъ літ. «Ил. народный Календарь на 1921 г.» Львовъ изд. о-ва им. М. Качковскаго, 1920, с. 79-80.
 94. Карманський П. – Кризь темряву. Спогади. «Жовтень», Львів, 1955, № № 9, 10. (О кровавомъ терроре въ 1914
- г. и гнусной роли украинскіхъ націоналистовъ см. № 10, стр.68-69).
95. Д.К.К.К. (Діонісій Климентьевичъ Кисель-Киселевскій). – Интересная книга. «Жизнь», Львовъ, 1923, № 33.
- (отзывъ о книге румынскаго историка д-ра Балана (см.).
96. Ключник Д.И. – Как мы воевали. «Временникъ» на 1925 год, Львовъ, 1924.
 97. Козланюк П. – Дві біографіі. «Радянскій Львів», 1949, № 4. (О талергофце К. ..., Пелехатом сказано (с. 41): «В 1914-1918 гг. коли буржуазіі українскі націоналісти билися ..., австро-угорську ..., .., в..., (українскі ..., ..), .., .., каралась за «зраду» Австрії, тобто за симпатії до братнього російського народу, в тюрмах Терезіенштадта, Праги, Краківської фортеці, Талергофа, звідки відиравлено .., .., на італійскій фронт над рікою Пілявою».
 98. Р.Р.К. (Кокотайло). Мала ілюстрована історія Руси, Львів, 1932. (О событіях 1914 года см. 60-62).

99. Компанієць І. – Боротьба за Радянську владу на Буковині. Київ, Держполітвидав УРСР, 1950. (Об австрійських зверствах на Буковині см. стр. 15).
100. Компанієць І.І. – Революційний рух в Галичині, Буковині та Закарпатській Україні під впливом ідей Великого Жовтця. Київ, АН УРСР, 1957. (Об австрійських зверствах и роли українських націоналістів см. стр. 7).
101. Компанієць І.І. – Становище і боротьба трудящих мас. Галичини, Буковини та Закарпаття на початку ХХ ст. (1900-1919 рр.) Київ, АН УРСР 1960.
102. Копыстянскій А.В. – Возможно ли отделение Украины от России. Ростовъ на Дону, 1917.
103. Копыстянскій А.В. – Всенародный русскій памятник в г. ., Оттиск из Календаря о-ва им. М. Качковскаго на 1937 г., Львов, 1937.
104. Копыстянский А. – Історія Руси. Часть III. Петербурска і Віденьска доба. (Російска імперія і Прикарпатска Русь до 1914 р.). Львов, изд. о-ва им. М. Качковскаго, 1933.
105. Копыстянскій А. – Талергофская выставка. «Временникъ» на 1935 годъ, Львовъ 1934.
106. Кашубинський В. – Голос Талергофця. «Новий Час», Львов, 1933, № 172. (Призывъ организовать талергофскія торжества подь «українським стягом»).
107. Киндій П.Н. – Дійсно перебрали мірку. «Земля і Воля», Львов, 1933, № 31. (По поводу статьи в газ. «Діло»: «Глум з Талергофу»).
108. Кладбище галицкихъ страдальцевъ въ Талергофе. «Русскій Голос», Львовъ, № 43. (Сообщается о состояніи и о предстоящей ликвидации кладбища и о мерахъ предпринятыхъ по почину еп. Адама Филиновскаго съ целью перенесенія останковъ въ общую братскую могилу и сооруженія памятника).
109. Кружковъ Ник. – Семисотлетній Львов. «Огонекъ», 1957, № 52. (Въ очеркесказано: «Въ 1914 году, передь занятіемъ русскими войсками Львова, австрійцы повесили и расстреляли въ Галиціи около шестидесяти тысячъ человекъ. Въ «Бригидкахъ» – львовской тюрме – стояло несколько виселиць, которыя, какъ сообщаютъ очевидцы, «ежедневно скрипели подь тяжестью повешенныхъ людей»).
110. Куриловичъ В.М. – Прага–Вена–Арад. 1914-1917. «Ил. нар. Календарь на 1935 годъ». Львовъ, изд. о-ва М. Качковскаго, 1934, стр. 163-165 с порт. (Сообщеніе приговореннаго къ смертной казни б. Депутата венскаго парламента и галицкаго сейма о своемъ пребываніи въ австрійскихъ тюрьмахъ).
111. Левицький Кость. - Русофільські процеси і політика. Історична пригадка у звязку з нинішнім талергофським шумом і іншими москвофільськими легендами. «Діло», Львов, 1933, № 312.
112. Лелявский Б.Н. - Ночныя песни в Галичине. Львов, 1927. (Ч.П. посвящена австрійским зверствам на галицко-русском народе).

113. Линч. «Туркестанские Ведомости», Ташкент, 1915, № 198. (Описание зверской расправы мадьяр и толпы над беззащитными арестантами в Перемышле 15/9 1914 г. - Автор очевидец б. австрийский офицер, попавший в русский плен при взятии Перемышля И.Г. Полянский, сын талергофца о. Г.А. Полянского).
114. Литвиненко Н. - (Зам. Директора по научной части исторического музея). - Живая история города. По залам Львовского исторического музея. (К 700-летию Львова). «Львовская правда» за 1-е июля 1956. (Упомянуты витрина с экспонатами концлагеря в Талергофе; кандалы, изделия заключенных - деревянные ложки, вилки и т.д.).
115. Лукавство и облуда. Голос селянина з ліського повіта. «Земля и Воля», Львов, 1934, №20. (О «Пролом-е» и подвигах украинских «ксендзов»).
116. Луцык Л. - Талергоф «Русский Голос», Львов, 1933, № 14.
117. Луцык О.Ю. - 2-ой Талергофский съезд. «Календарь о-ва им. М. Качковского на 1935 год.» Львов, 1934.
(Сборник статей).
118. Львів напередодні і в роки першої світової війни. В кн. «Нариси історії Львова, 1956. (Об австрийском терроре и жертвах в первую мировую войну см. с 168 - 169).
119. Маковчанин А. - Расстрел. (Стих) В кн. Альманах Возрожденцев, из-во о-ва карпаторусских студентов «Возрождение», Прага, 1933, с. 43-44.
120. Маковский Василь. - (погади і документи). Львів, наклад автора, 1934. (См. Ваврик В.Р., Еще одна книга о Талергофе).
121. Малец Г.С. - Цель и задачи талергофских съездов. «Ил. календарь на 1935 г.», Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.
122. Малец Г. - Ценою крови «Земля и Воля», Львов, 1934, № 21.
123. Малкин В.А. - Русская литература в Галиции. Львов, изд. Львовского университета, 1957. (О репрессиях 1914 года и злостной деятельности украинских националистов см. стр. 161 и след.).
124. Марич Ф. - Грозят Талергофом. «Земля и Воля», Львов, 1934, № 14.
125. Д-р Марков Д.А. - Последнее слово перед австрийским военным судом. (По стенографическому судебному протоколу). Перевели А.Х и Р.Л., Львов, изд. газ. «Русский Голос», 1938. (Оттиск из газ. «Русский Голос»).
126. Д-р Марков Д.А. - Талергофская тризна. «Русский Голос», Львов, 1933, № 41.
127. Маскированные черносотенцы (подписано: Москвофил). «Русский Голос», Львов, 1925, № 127. (О гнусной роли украинских националистов в первую мировую войну).
128. Мацан М. - По дороге большой. (Стих). «Временицк» на 1934 г. Львов, 1933.
129. Мирович Р.Д. - Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время первой мировой войны 1914-1918 г.г. на областях Галицкой и Буковинской Руси с автобиографическими и библиографическими данными. Львов, 1954-1960.

130. Миpович P.Д. - Топографический обзор в связи с австро-мадьярскими зверствами в первую мировую войну по уездам Прикарпатской Руси. Львов, 1954-1960.
131. Миpович P.Д. - В 44 годовщину Перемышльской трагедии. «Русский Голос», Варшава, 1958, № 18.
132. Миpович P.Д. - Защитительная речь д-ра К.Д. Богатырца - замечательный исторический документ. 133. Миpович P.Д. - Памяти народного мученика священника М.Г. Сандовича. (К 75-летию со дня рождения - 1.02.1886 - 6.09.1914). Львов, 1961.
- 133а. Миpолобов. К истории движения русских за Карпаты. «Карпато-рус. Голос», Ужгород, 1933, № 49. 134 Миpонюк И. прот. - Здійснення споконвічних сподівань. «Православний Вісник», Львов, 1961, № 2. (В статье упоминаются многие жертвы террора в первую мировую войну: Сандовичи Максим и Петр с сыном, Гудима, Гавр. Гнатышак, М. Растваецкий, Ив. Машак, Ив. Станчак, Р. Присловский, Ник. Винницкий, Феод. Дуркот и др.).
135. Миськов Ив. Ос. - Готовимся к съезду. Талергофский съезд и тленные останки неизвестного талергофца. «Земля и Воля», Львов, 1934, № 15.
136. Мысли о Талергофе. (1.Б.) «Земля и Воля», 1933, № 15.
137. Михайлов Т. - Талергофская Голгофа. «Русское Слово», Вильно-Варшава, 1934, № 122.
138. Мова фактив и документив. «Земля и Воля», 1933, №№ 35, 36.
139. Мокрицкая М. - Слава и честь Талергофцам. (Стих). «Календарь о-ва им. М. Качковского на 1934 г.» Львов, 1933.
140. Морд 44 людей в Перемишли. «Украинський Бескид», Перемышль, №№ 25-29.
141. Мстиславец О. - Холопы австро-венгерской монархии. (У истоков предательства). «Львовская Правда» за 21 июня 1946. (В статье говорится о мартирологии Галичан в первую мировую войну, о виселицах, концентрационных лагерях в Талергофе, Терезине и др., о двух венских политических процессах и о гнусной роли, какую сыграли в этих процессах мазенинские лжесвидетели).
142. Мысли о Талергофе (Б.К.). «Наш Путь - независимый журнал молодых», Львов, 1937, №2.
143. На добрую память русскому Прикарпатыю. (...несколько документов из времен свирепого произвола). «Прикарпатская Русь», Львов 1919, №6. (Приведены письменные приказы оберстлейтенанта Гагауэра, ген. Колошвари и ген. Кевеша).
144. Найдус В. Ленин в Польше. Перевод с польского... М., ИЛ, 1957. (Поданы обстоятельства ареста Владимира Ильича австрийскими властями в 1914 году и репродукции документов, касающихся этого дела со снимками тюрьмы и камеры заключения).

145. Николаевич К. (К.Н. Пелехатый). - Первый венский процес. «Ил. Календарь о-ва им. Мих. Качковскаго на год 1920», Львов, 1919.
146. Николаевич К. (К.Н. Пелехатый). - Второй венский процес. Там же.
147. Николаевич К. (К.Н. Пелехатый) «Где дом мой». Там же. (Картина из тюремной жизни в терезинской крепости; упоминаются «галицкий Ллойд-Жорж» Питык (Голинатый) и «малый Антошка» (Генсерский). 148. Николаевич К. (К.Н. Пелехатый) - Сповідь. Там же..
149. Николаевич К. (К.Н. Пелехатый) - Талергоф. (С 8 снимками) Там же.
150. Николаевич К. (К.Н. Пелехатый) - Шатмар-Немети-Мискольч. Там же.
151. Надсанский М. - Вы жертвою пали. (Бл. п. Талергофцам). Стих. «Голос Народа» , 1928, №33.
152. Наша обязанность. (Передовая). «Земля и воля», Львов,1933, №30 (Против «украинизации» Талергофа).
153. Не поддадимся провакации. «Земля и воля», 1933, №31 (ответ на статьи Андрусняка в газ. «Дило» и др.).
154. Осечинский В. К. - Австрийский воинско-полицейский террор в Галичине во время первой мировой войны. «Научные записки Льв. гос. университета», т.43, Львов, 1957, стр.65-91. (К этому заметки В.Р. Ваврика в сб. Терезин и Талергоф).
155. Осечинский В.К. - Галичина под гнетом Австро-Венгрии в эпоху империализма. Львов, 1954.
156. Олейник П.Н. - Живые документы. К талергофским материалам. «Русский Голос», 1934, №17.
157. Олейник П.Н. - Украинцы и Талергоф. Голос селянина в ответе на вранье «Пролома». «Земля и воля», Львов, 1934, №17.
158. Описание похоронных торжеств 30 июня 1936 года в Перемышле - 44 неповинных жертв мадьярского произвола. «Русский Голос», 1936, №26.
159. Островский Н. - Талергоф. «Наука», Львов,1928.
160. О.Ст. Ровский (Островский). Талергоф. «Русский Голос», 1925,№1-2 (По поводу издания «Талергофского Альманаха» и Талергофских торжеств).
161. Павлова И. - Талергофский крест. «Русский Голос», 1935, №4. (К ст.: «Что нами сделано?» «Русский Голос», 1935, №2.).
162. Павляк М. На австрийских фронтах. Как молодой лемко защищал старую австрийскую империю. «Карпаторусский Календарь Лемко-Союза за 1961 год». Стр.129-160. (Упоминается об арестах в с. Лосье горлицкого уезда).
163. Памяти замученных. «Русский Голос», 1923, №22. (Посвящено жертвам украинского доносчика свящ. Ковшевича Юрия, крестьян села Ульвовок и Конотопы сокальского уезда, расстрелянных австрийцами в 1915 году.
164. Памяти наших мучеников. «Голос народа»,Львов, 1927, №24. (Воздвижение памятника на могиле расстрелянных жертв в с. Ульвовок сокальского уезда)
165. Панас И.О. Забытое русское племя. (Австрийская Украина или Галицкая Русь) Ростов на Дону, изд. галицкорусской студенческой молодежи, 1947. 47 стр.

166. Панас И.О. К вопросу о русском национальном имени. (По поводу меморандума галицких украинофилов о замене народного имени «руссин» термином «украинец»). Ужгород, 1934. 39 стр.
167. Пелехатый К.Н. Пасха в Терезинской тюрьме. «Воля Народа», Львов, 1921, №16.
168. Пелехатый К.Н. - Исторический факт. «Прикарпатская Русь», Львов, 1920, №81/18.
169. Пелехатый К.Н. Ой не нам не нам в цепях ходить. «Прикарпатская Русь», Львов, 1920, №82/19.
170. Пелехатый К.Н. - Как я на Пасху стал цезарско-королевским капралом. «Воля Народа», Львов, 1922, №63.
171. Пелехатый Кузьма. - Воссоединение украинских земель в едином советском государстве. «Львовская Правда», Львов, 1946, №203. (Упоминается о уничтожении свыше 30 000 русских Галичан за дружеское отношение к русскому народу).
172. Первая мировая империалистическая война. (1914-1918). Большая
173. Переверти-ренегати грозят новым Талергофом. «Земля и Воля», 1934, №31. (По поводу «Пролома» и ст. в газ. «Дило» от 11/8 1934 п.з. «Талергофские кресты и москофильска пропаганда»)
174. Перфецкий В.Р. - Исторические документы войны. «Прикарпатская Русь», Львов, 1921, №№109-112. 175. Перфецкий В.Р. - Исторические документы войны. Русские галичане в вопросе культурного и национального единства русского народа. Из оборонительных речей в виденских политических процессах свящ. Д-ра Кассиана Богатырца и тов., В. Перфецкого и тов., обвиняемых за предательство австр. Государству в 1916 и 1917 году. Львов, 1927. 8 стр.
176. По поводу украинских посягательств на Талергоф. (Из резолюций Обще краевого съезда РСО - 26 XII, 1933 во Львове). «Земля и Воля», Львов, 1934, № 1.
177. Пьекный Ив. - Талергофский Крест. (Из народной поэзии о Талергофе) (стих) «Земля и Воля», Львов, 1933, № 1. 178. После погрома. «Русский Голос», 1922, №1. (Передовая).
179. Под знаком тернового венка. (Передовая) «Голос Народа», 1928, №40-41. (День Талергофа во Львове 31/X 1928 - 1-й Талергофский съезд).
180. Подвоенная украинская математика или - у лжецов краткая память «Земля и Воля», Львов, 1934, № 26. («Дело» о 2-м Талергофском съезде).
181. Полкунов Ф. Ватикан - заклятый враг украинского народа. Львов, 1954. (стр. 30-31 о Массовых зверствах австрийской военщины в 1914 году и преступной деятельности украинских националистов).
182. Полянский Г.А. - Автобиография. «Наука», Львов, 1931, № 2-3. (см. разделы: Аресты. Талергоф. Три эпизода. За что и зачем? Жертвы Талергофа. Освобождение).
183. Полянский Г.А. - Добрая, сумная и горькая бывальщина. «Ил. нар. Календарь на 1935 год», Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.

184. Полянский Г.А. - Казнь. «На новом Пути», журнал карпато-русской молодежи, Петроград, 1917, №1 (См. «Линч» его же).
185. Попов А.В. - В Карпатах. Рассказы. Мукачево, 1923 (Рассказ: «Отец Михаил». Представляет горькую участь заключенного в Талергофе, особенно издевательства изувера Чировского).
186. Последняя украинская атака на Талергоф. «Земля и воля», Львов 1933, №33, 34, 35. (По поводу статей Андрусняка в газ. «Дело»: «Глумление из Талергофа» и «Галицкое москофильство и Талергоф»).
187. Последняя братская кровь (фикс). «Прикарпатская Русь», 1919, №36 (Разоблачение украинских доносчиков).
188. Похорон 44-х в Перемышле. «Земля и воля», 1936, №27.
189. Правда вся выйдет наружу. Духовное лицо предателей отцов украинского политического движения в Галичине. «Земля и воля», Львов 1934, №5. (Касается главным образом выступления и поведения Костя Левицкого не венских политических процессах).
190. Правосудие в погибающей Австрии. «Прикарпатская Русь», Львов, 1919, №№12,13. (Предательство юридическое крючкотворство в обвинительных актах и приговорах венских политических процессов). 191. Прививка смерти. Прикарпатская Русь», Львов, 1919, №12. (Сообщается о прививании австрийскими тюремными властями чахотки под видом прививки оспы).
192. Прошло 20 лет. «Карпато-русский Голос», Ужгород, 1935, №114.
193. Раставецкий Владимир. - Талергоф. (Стих). «Ил. нар. Календарь на 1935 год», Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.
194. Роницкий А.Л. - Ваврик В.Р. - Талергоф. Кантата посвященная памяти жертв Талергофа 1914-1918. Слова В. Р. Ваврика, музыка А.Л. Роницкого. Для мужеского хора. Львов, изд. кооп. Муза, 1934. (К Талергофскому съезду 1934 года).
195. Росович В. (Галан Я). - Что такое уния. Львов, 1946 (тоже 1947). (В брошюре упоминается о жертвах террора 1914 года, в том числе и многих священников, в то время, когда митр. Шептицкий благословил австро-немецкие полки движущиеся на Восток и Север, но не пожелал замечать многих тысячей невинных жертв). 196. Росточанский М. - Никифор. «Русский Голос», «Варшава-Лодзь», 1962, №10. (В очерке про известного художника-самоучку Никифора Дробняка из Криницы на Лемковщине сказано между прочим, что «год 1914 и последующие - это страшные годы войны, талергофского ада, принудительной эвакуации, гибели почти всей семьи Дробняков»).
197. Русская кооперация в талергофской трагедии. «Земля и воля», Львов, 1934, №18.
198. Саврук В.А. (В.А. С-к) - Воспоминания из австрийской тюрьмы. «На новом Пути», журнал карпато-русской молодежи. Петроград, декабрь 1916, №3; 1917 №№1,2-3.
199. Сандович С. - Талергоф «Русский Голос», Варшава, 1957, № 31.

200. Свитлинский Б. Австро-Венгрия и Талергоф. (К 25-летию Всемирной войны). «Наука», Львов, 1938, №№ 710; Тоже: «Народный иллюстрированный календарь на 1939 год», Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, 1938.
201. Сенін І.В. - Творчість Олени Львівни Кульчицької. Київ, АН УРСР, 1901. (В монографії сказано: «6 вересня 1914 р. Повітовий староста Перемишля наказав (!?) Олені Кульчицькій разом з сестрою негайно виїхати (!) найблизчим поїздом до Талергофу біля Граца, де її чекала ізоляція за колючим дротом табору. Тільки завдяки поруці родича Кульчицьких Р. Стебельського попереднє розпорядження було замінене на примусову евакуацію з обов'язковим поселенням у Відні». Виходить, що австрійські влади «предлагали» виїзд в Талергоф, - просто по джентельменски! Упоминаючи далі про страшний терор автор говорить, будто «ліквідація москвофільства» була тільки предлогом для поощрення цього терора).
202. Сергеев-Ценский С.Н. – Ленин в августе 1914 года. (Этюд к эпопее «Преобразование России») Рисунки П. Пинкисевича. «Огонек», 1957, № 42. (Описаны: обыск в Поронино, произведенный жандармом Мартыщуком 8/8 1914, арест с распоряжения уездного начальника в Новом Тарг-е Гродзицким, доброжелательное отношение тюремного надзирателя Глуда, действие судебного следователя Пашковского и освобождение благодаря стараниям социалистов Виктора Адлера, Марека и Диаманда).
203. Соколович Глеб (В.М. Добрянский). – Кровавые годы. Картины ужаса, насилия и произвола австро-венгерской армии над русским народом Прикарпатья в 1914-1917 гг. Львов, 1923. 96 стр. 204. Соколович Глеб. – От Карпат до крепости Терезина. «Русский Голос», Львов, 1924, № № 1-5.
205. Под желто-синим знаменем. Исторические картины из времен существования так наз. «Западно-украинской Народной Республики». Ужгород, 1926. 63 стр.
206. Соколович Глеб. «Терновый Венец». Картины Талергофа–юдоль слез: плача и смерти. Ужгород, 1923. 78 стр. С илл. 207. Опоздавший призыв. Новое добровольное доказательство мазепинского вранья. «Земля и воля», Львов 1933, №31. (Ответ на ст. В. Кашубинского в газ. «Новый час» за 5.08.1933 п.з. «Голос Талерговца»).
208. Воспоминания прошлых 25 лет. (подп. О.О.К.) «Народный иллюстрированный календарь на 1939 год», Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, 1938.
209. Стефаньк С. - Воззеднання всіх українських земель в єдиній українській державі. Київ. Держполітвидав УРСР, 1954. (В брошюрі говориться: «Українські буржуазні націоналісти виступали з вірогідними заявами у відношенні до династії Габсбургів, організували так звану «Спілку визволення України» у Відні, а також військовий легіон «країнських січових стрільців», який за їх планом мав відіграти певну роль при гаданому просуванні австронімецьких військ на Україну. Цю пронимецьку орієнтацію західно-української буржуазії всіляко підтримувала і уніатська греко-католицька церква в особі її глави А.

Шептицького. З початком війни, у серпні 1914 року, ці плани австро-німецьких імперіалістів і їх прислужників - українських буржуазних націоналістів - зазнали повного провалу. - Трудящі маси Галичини, Буковини і Закарпаття всупереч націоналістичній пропаганді виявляли відкрито симпатії до солдатів російських військ, з радістю чекали їх приходу. Австро-угорські жандарми та війська застосовували жорстокі репресії проти населення західно-українських земель за його симпатії до солдатів російського народу. Тисячі інтелігентів, селян і робітників були заарештовані в перші ж дні війни і вивезені в глиб Австрії, де їх інтернували в таборах Талергофа, Терезіна, Тешельдорфа та інших. Чимало прислужилися в цьому австрійським жандармам українські буржуазні націоналісти, склавши великі списки людей, які проявляли симпатії до Росії. Тисячі українців загинули в таборах від голоду, холоду і голоду. ...Коли в дальшому ході воєнних операцій доводилось російським військом військам залишати окремі частини західно-українських земель, то австро-мадьярські жандарми люто розправлялися з населенням. Вони вішали і бивали селян і робітників, які будьчим проявили свої симпатії до російських військ. Шобиниці були супутниками австро-мадьярських військ. Ці війська, безжалісно грабували населення, забираючи в нього коней, рогату худобу, овець, свиней, птицю». 210. Д-р С. (Тэфанович Ф. К.).—В Гминде. (Австрийский рай). «Ил. Календарь о-ва им. М. Качковского на 1920 г.»,

Львов, 1919. В таборе для беженцев, относительно благоустроенном, помещались в первую очередь подопечные «украинских» верховодов и когда в дальнейшем очутились здесь некоторые бывшие узники Талергофа, они встречались с явным недоброжелательством здешних «беженцев»).

211. Сулим Т.Б. Сорок чотиром. (Память Перемишльських героїв). Стих. «Земля и Воля», 1936, № 25 то же: «Наука. Календарь на 1937г.», Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, Львов, 1936.
212. Талергоф. (Передовая). «Земля и Воля», 1928, № 38.
213. Талергофец. – Талергоф. «Кооперативный Вестник», Львов, 1933, № 9.
214. Талергофобия украинцев. (Передовая). «Русский Голос», Львов, 1933, № 30. (По поводу выступлений «Дела»).
215. Талергофские узники. Торжества во Львове. (Ш.) «Возрождение», Париж, 1934, № 2995.
216. Талергофский день во Львове. «Кооперативный Вестник», Львов, 1934, № 6.
217. Талергофский памятник. «Русский Голос», Львов, 1929, № 69.
218. Талергофский праздник во Львове. «Русская Земля», Ужгород, 1934, № 15.
219. Талергофский съезд. «Наука», Львов, 1934, № 3.
220. Талергофский зїзд українських москвофілів з Галичини. «Нова зоря», Львів, 1934, №41.
221. Талергофскому памятнику—XXV лет. «Русский Голос», Варшава, 1958, № 15.
222. Тарасевич А.У подножия гранита и мрамора. (Впечатления волынца), «Русский Голос», Львов, 1934, № 21.
223. Тернопольский И. (Крест.)—Блудным сынам Руси. «Наука», Львов, 1928.

224. Тернопольский И. – Від Бродщини до Карпат. (В двадцяту річницю мук Галицької Русі). (Стих). «Народный иллюстрированный календарь на 1935 год», Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, 1934.
225. Тернопольский И. – Незабуті могили. (Стих). «Наука», Львов, 1928, № 1.
226. Тернопольский И. – Памяти братьев страдальцев. «Временник» на 1927 г., Львов, 1926.
227. Тернопольский И. – Под соснами. «Наука», Львов, 1928.
228. Третьяк Н.Г. – В защиту галицко-русских музеев. (К делу музеев Ставропигийского Института и Народного Дома). Львов, изд. Ставроп. Ин-та, 1939. (Упоминається оразграблении австро-венгерско-германскими войсками имущества Ставропигийского Ин-та и Народного Дома).
229. Труш В.Я. – История одной пули. Рукоп.
230. Труш Б.В. (Владимиров). – Библиографические заметки: «Вопрос о единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году. Научные показания проф. д-ра В. Вондрака. С предисловием и примечаниями проф. д-ра Ю.А. Яворского». «Рассвет», жур нал посвященный делам гал.-русского студенчества, Львов, 1923/1924, №4.
231. У кума в Карпатах. «Земля и Воля», Львов, 1934, №22. -41. (Рассказ о расстреле австрийцами Андрия Билинкевича из Заречья).
232. Українські противталергофські хуліганства. Здирали з'їздові відозви і вибивали вікна. «Земля и Воля», Львов, 1934, №22. (Допись из с. Вербижа).
233. «Український народе!» (Відозва головної укр. Ради за підписью Костя Левицького, Михайла Павлика и др.) «Діло», Львов 3/8 1914, №171. (В этом документе говорится: «Побіда австро-угорської монархії буде нашою побідною. І чим більше буде пораження Росії, тим швидше вибье година визволення України. ...Нехай вся наша суспільність буде не тільки видцем але як найдіяльнішим участником грядучих подій! Нехай віддасть всі свої матеріальні і моральні сили на те, щоб історический ворог України був розбитий. До бою - за здійснення ідеалу, який в теперішню хвилю зеднує ціле українське громадянство!»)
234. «Український»...Талергоф. Безгранична мазепинська безличність. «Земля и Воля», Львов, 1934, №20. (Из воспоминаний В. Маковського «Талергоф» оказывається, что в Талергофе было около 80 украинских-мазепинцев (проти 8000), которые попали сюда «по ошибке» или случайно и были освобождены уже после несколько недельного заключения).
235. Українське питання. Белград, 1919. (В брошюре затронут вопрос Талергофа и событий 1914-1918 гг.) 236. УНДО в 1914 р. «Земля и Воля», Львов, 1928, №3
237. Усиченко Ю. Невидимый фронт. Львов, кн.-журнал. Изд-во, 1941, 1951, 189стр. (Представлена роль предателя и доносчика Р. Курены, который без малейших колебаний отправлял соотечественников под растрел в застенки Талергофа, состоя на услугах начальника австро-венгерской разведки Макса Ронге).
238. Федоров Федоричка Ив. - Гей! Гей! - Світе ти наш світе! «Ил. нар. Календарь о-ва им. М. Качковского на 1920 год», Львов, 1919

239. Федоров Федоричка Ив. - Мир праху галицко-русских узников, пострадавших в 1914-1917 г. в Талергофской долине. Там же.
240. Федоров Федоричка Ив. - Талергоф или русская Голгофа. Описание мук и страданий галицко-русского народа под игом германским... в Талергофе 1914-1917. Коломыя, 1923.68 стр. с портр.То же фонетикой.
241. Федоров Федоричка Ив. - Черта холодного света. Посвящая памяти урагана всемирной войны 1914-1918 гг. в альбом могущих сего мира «Ил. нар. Календарь на 1932 год», изд. о-ва им. М. Качковского, Львов, 1931.
242. Федоричка Стеф. - Слезы бабуся...Памяти о 46-х мучениках Перемышля. «Земля и Воля», 1935, №16.
243. Федоров В.А. - Колодники. Драматические сцены из Талергофской жизни. (см. «Земля и Воля», 1934, №33). 244. Федоровская В.Т. - Размышление о двадцатилетней годовщине Талергофа.). «Народный иллюстрированный календарь на 1935 год», Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, 1934.
245. Филиповский Адам, еп. - Максим Сандович. Драма в трех актах. Уилкес-Бэр, Па, 1932, 43 стр.
246. Фридрих Вешатель. «Прикарпатская Русь», Львов, 1919, № 3.
247. Хиляк А.Е. д-р - Виновники Талергофа в освещении исторических документов. Львов, 1933, 48 стр. (Оттиск из «Русского Голоса» за 1933 год, №№ 37, 38, 39, 40, 41)). (Ответ на статьи в газ. «Діло»; «Глум з Талергофу», М. Андрусяка «Галицьке москвофільство» и «Галицкая болячка» и в газ. «Новий час» д-ра Кашубинского «Голос Талергофця»).
248. Хиляк А.Е. д-р -Вырождение. «Русский Голос», Львов, 1928, № 282-283. (Статья по поводу мазепинских эксцессов и нападок мазепинской прессы на Талергофский съезд). Номер газеты был конфискован польской цензурой и издан вторично как № 284/285.
249. Хиляк А.Е. д-р - Говори до гори ... «Земля і Воля», Львов, 1933, № 45. (Ответ М. Андрусяку в освещении исторических документов»).
250. Хиляк А.Е. д-р - К характеристике Д.А.Маркона. (В первую годовщину его смерти) «Русский Голос», Львов, 1939, № 164.
251. Хиляк А.Е. д-р - Кто тому винен? «Земля і Воля», Львов, 1934, № 23. (Вина за хулиганские посткпки мазепинских низов падает на ихнюю верхушку из мірской и духовной интеллигенции).
252. Хиляк А.Е. д-р - Незабуті хвилі. «Иллюстр. Народный Календарь на 1935 год», Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.
253. Хиляк А.Е. д-р. Отзвуки полемики. «Русский Голос», 1933, № 47. Ответ на статью д-ра Костя Левицкого из газ. «Діло» п.з. «Русофільські процеси і політика».
254. Цебринский М. – Відгомін всесвітньої війни 1914 г. «Иллюстр. Народный Календарь на 1939 год», Львов, изд. о-ва им. М.Качковского, 1938.
255. Цебринский М. – Голгофа народных страстей. «Наука», Львов, 1933.
256. Цебринский М. – На встречу Неизвестному Талергофу. «Наука», Львов, 1933.

257. Цебринский М. – Предвестники Талергофа. «Илл. народный Календарь на 1935 год», Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.
258. Цебринский М. – Страшна годовщина. «Наука», Львов, 1928.
259. Цебринский М. – Страстям Талергофцев. «Наука», Львов, 1928.
260. Цебринский М. – Талергофская осень–весною народа. (Передовая). «Земля и Воля», Львов, 1934, № 21.
261. Чайковский Кирилл–Австрийское зверство и русское благородство. Драма в 4-х действиях. Филадельфия 1926. (Сюжет: насилия австро-венгерской армии над русским населением Лемковщины в 1914 году.) 262. (Чайковский Кирилл). – Беседы деда Торочила в газ. «Земля и Воля», Львов, 1932-1935, в том числе: К братьям Талергофцам, 1933, № 15; Братьям Талергофцам, 1933 № 20 и 36; На зїзд Талергофцїв, 1934, № 12 и 22 и др. 263. Чайковский К. – Дуклянский перевал на Лемковщине. Картина Лемковского села під час війни. Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1929 (Народная Библиотека, ч. 484).
264. Чайковский К. Прикарпатская мученица. Рассказ из военных действий 1914-1915 гг. «Илл. народный Календарь на 1934 год», Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1933. (Упоминается о мученической смерти учителя Мохнацкого из Сянока).
265. Чайковский К. – Поворот. Драма в 3-х действиях. Львов, 1934. (Возвращение на родину узника Талергофца и эмигранта-лемка из Америки после падения Австрии на разрушенный очаг, который они восстанавливают).
266. Чайковский К. – Страдалец. (Картина из Талергофского заточения). «Илл. народный Календарь на год 1935», Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.
267. Чайковский Р.Н. – Воспоминания из Талергофа. «Илл. народный Календарь на 1935 год», Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.
268. Чайковский Р.Н. – Речь в австрийском парламенте 28 июня 1917 года. «Стенографический протокол палаты депутатов. «XXII сессия, 12-е заседание, стр. 563-567.
269. Черемшина Марко (И.Ю. Семанюк). – Твори. Київ, Держлітвидав, 1960. В цикле «Село за війни» (новеллы: Село потерпає, Перші стріли, Бодай ім путь пропала, Зрадник, Після бою, Село вигибає) автор описывает ужасы первой мировой войны в глухой гуцульской деревне. В новелле «Первые стрелы» показано как обманываемая украинскими националистами менее сознательная часть населения поверила, что война ведется добрым цесарем «за Украину», проявляет чувства черно-желтого австрийского патриотизма между прочим и в том, что молодежь поступает в ряды добровольцев стрелков. Настроение населения меняется однако, когда стали известны жертвы мнимой измены. За невесткой Хромеихи пропал след только потому, что зажгла свечи над умершей старухой и ее обвинили в измене. Старый Чюрей, когда казнили гуцула «за москаля» не выдержал, чтобы не возразить: «нащо чоловіка задурно тратити, таже москаль світ годує!» И через час он тоже повис рядом с казненным гуцулом. – В новелле «Зрадник» вешают крестьянина за то, что его корова в жаркий летний день, ужаленная оводом,

сорвалася и побежала в сторону неприятеля. Вскоре начался артиллерийский обстрел и Василя (хозяина коровы) повесили потому, что корова «дала знак неприятелю». – В невошедший в этот сборник новелле (см. библиографический очерк там же) «Помянник» подвержены казни 12 уважаемых крестьян по поводу найденного «помянника» с трираменным («московским») крестом. В этом цикле выражено с одной стороны теплое отношение крестьян к русским воинам, которые спешили с моральной и материальной поддержкой изнуренному военным лихолетием населению, и с другой стороны представлены тоже доносчики типа мошенника Дзельмана, который наживается на несчастьи других. В новелле «Зрадник» жертвою произвола падают члены депутации к мадярскому командиру с просьбой защитить перед уничтожением их церковь и вместе с членами депутации были расстреляны даже те, которые отказались раздевать расстрелянных односельчан, и тот, который хотел позвонить «на подушие» в церковной колокольне. «Бодай ім путь пропала» – таков всенародный поклон озверевшим душегубам.

270. Чернянен – Талергофская трагедия. «Слово», Варшава, 1934, № 40.
271. Чешская печать о галицкой Руси. «Прикарпатская Русь», Львов, 1919, № 3.
272. Чорна закамєніла совість. Нова нечестна спроба «українізування» Талергофа - на сей раз дикторскої «коровячої» газети. «Земля и Воля», Львов, 1934 №16 (По поводу статьи: «До тих, що мучилися в Талергофі» в 15 ч. газ. «Народна справа» от 22.04.1934)
273. Чорні пятна на картах історії цивілізації «Календарь о-ва им. М. Качковского на 1922 год», Львов, 1921. 274. Шематизм всего духовенства греко-католицької Львівської Митрополічної Архієпархії на рік 1918. Львів, (на стр. 173-175 помещен список священников львовской епархії - всего 86 человек - «Вивезені австрійськими властями священники, осажені в Талергофі, Терезині і т.п. інтерновні і конфіновані»). В тексте поданы тоже некоторые военные повреждения и убытки).
275. Шематизм греко-католицького духовенства апостольської адміністрації Лемковщини. Львів, 1936, 178 стр. с илл. (Содержит «Короткий огляд історії Лемковщини» с некоторыми данными из галицко-русской мартирологии, тоже много исторических, биографических и библиографических данных относительно лемковских местностей и деятелей Лемковщины).
276. Шлапак Иван, Беньківці, пов. Рогатин. - Товариші недолі. «Земля і Воля», Львов, 1935, №16
277. Шмиренко П.К. - Злочин. Світова війна і її наслідки. Страшні знущання над українським народом. 1937, Львів, 70 стр. (Автор как «украинец» клеймит деятельность украинских националистов и епископов за действия и «бездействие» ввиду массовых репрессий в первую мировую войну).
278. Що означає Талергоф для Галицкой Руси. «Земля і Воля», 1933, №41
279. Що писали наші люди о Талергофі. Відклики о 1Талергофскім з'їзді. «Илл. народный календарь на 1935 год», Львов, изд. о-ва им. М.Качковского, 1934 (Библиографическая справка).

280. Щурат Вас. Д-р. - При церкві Св. Варвари у Відні. В кн.: «На досвітку нової доби», Львів, 1919. (В статті маєтся відмітка, що згідно розпорядження митроп. Ординариата від 24 липня 1916 р. підпорядковані були парохії (приходи) при церкві св. Варвари в Вене наступні військові табори біженців: а) Гмінд (Дол. Австрія) ок. 27000 чоловік; б) Хоцен (Чехія) ок. 8000 чоловік; в) Вольфсберг (Каринтія) ок. 6000 чел; г) Оберголлабрун (Дол. Австрія) ок. 1000 чел; д) Прага ок. 1000 чоловік; е) уезд Табор (Чехія) ок. 600 чоловік; К гр. кат. Приходству при церкві св. Варвари належав ще табір інтернірованих в Талергофі, де в вересні 1916 року було 3500 греко-католиків, і за два роки їх загинув 150 чоловік).
281. Юркевич В. - Талергофський вечір. Стихотвір. «Наука», Львів, червень-липень 1956. (Священно покійним під німецькими соснами жертвам австрійського терору).
282. Юрєв П.В. - Старинний місто, російської слави. (Стих). «Ілл. народний календарь на 1935 рік», Львів, вид. о-ва ім. М Качковського, 1934
283. Юрєв П.В. - Талергоф. (Стих). «Временник ставропигийного інститута на 1928 рік», Львів, 1927 284. Талергоф і Росіяни. «Русское Слово», Вільно-Варшава, 1934, №122
285. Яблонський Д. - Великий ювілей - велика проба. «Земля і Воля», 1934, №14 (К передбачуваному Талергофському з'їзду).
286. Яблонський Д.- Історичний зміст Талергофа. «Земля і Воля», Львів, 1933, №№12,13
287. Яблонський Д. - Свято живих. Ко дню Талергофського з'їзду. «Земля і Воля», 1933, №42. (Содержательная стаття, пояснює вкратці історію галицько-російської мартирології, відзначає такі її віхи, як процес Ольги Грабарь, Ів.Наумовича і тов., процес карпаторуських селян в Мармарош Сигеті, процес братів Геровських в Буковині, процес Бендасюка і тов., венські процеси в час першої імперіалістическої війни.
288. Яблонський Д. - Чого ми чекаємо від Талергофського з'їзду? «Земля і Воля», 1934, №21.
289. Яворський Ю.А. - Думи о Родині. Львів, 1924
290. Яворський Ю.Я. - Кукушкино яйце в Ставропигії. «Временник Ставропигийного Інститута на 1923 рік», Львів, 1922. (К історії «українського» вторгнення в Ставропигію в військове час).
291. Як українці шанують пам'ять Талергофа. «Земля і Воля», Львів, 1933, №30 (По приводі вандалського пошкодження талергофського пам'ятника в с. Толщево, львівського уезда).
292. Янчак Я.В. - Талергофська виставка. «Ілл. народний календарь на 1935 рік», Львів, вид. о-ва ім М. Качковського, 1934
293. Янчак Я.В. - (Я.В.Я-К). - Талергофський музей. «Русский Голос», 1934, №29
294. Янчак Я.В. - Хотіли б постелити дорогу в другий Талергоф. «Земля і Воля», 1935, №9 (По приводі статті в польському журналі «Бюлетень польсько-

украинский» №5/1935 п.з. «Суть москалефильства галицких «старорусинов»).

295. Янчевецкий Дм. - Мариану Феофиловичу Глушкевичу «Илл. народный календарь на 1928 год», Львов, изд. ова им. М. Качковского, 1927 (Стихотворение приговоренного австрийским военным судом к смертной казни участника первого венского процесса о государственной измене, пронизано реминисценциями о соучастниках венского процесса).
296. Ястребов Н.В. - Галиция накануне великой войны 1914. Петроград, 1915, 146 стр.
297. Akt oskarzenia przeciw Oldze Hrabarowej i towarzyszem o zbrodni zdrady stanu. - Anklageschrift wider Olga Hrabar und Genessen wegen Verbrechens des Hochverrathes. Dodatek do Nru 132 «Gazety Lwowskiej», 1882. 19 str. Fol. 298. Akt oskarzenia ... 1) Szymona Bendasiuka, 2) Maksyma Sandowicza, 3) Ignacego Hudyme 4) Bazylego Koldre...

c.k. Prokuratura Państwa we Lwowie oskarża przed c.k. Sędzią krajowym dla spraw karnych we Lwowie po myśli Art. VI. Ustawy z dnia 23 maja 1875. Nro 119 dz.p.p. jako przed Trybunałem Sadu Przysięgłych... (o zbrodni zdrady głównej z §58 c.)u.k... (Lwow, dnia 4. Stycznia 1914. 1914. St. 2530) 12/38 . 190 str. Fol. Параллельный текст на украинском языке. РУССКИЙ ПЕРЕВОД: Обвинительный акт по делу С.Ю. Бендасюка и тов. См. Приложение к «Прикарпатской Руси» ноябрь 1924, Львов, 1914 Дело процессов Ольги Грабарь 1882 года и С.Ю. Бендасюка 1914 года было использовано военным прокурором в обвинительных актах первого и второго процессов перед венским дивизионным судом Д-ра Д.А. Маркова и тов. И Д-ра К.Д. Богатырца и тов. - как обременяющий материал и оба эти дела были в полном комплекте приложены к делам венских процессов.

299. Anklageschrift gegen 1. Dr. Kassian Bohatyrec, 2. Hylarion Zurkanowicz, 3. Dr.Semen Bulik, 4. Gabriel Hnatyszak, 5.Roman Pryslopski, 6. Dr. Alexander Hassay, 7.Dr. Iwan Czerlunczakiewicz, 8. Dr/Alexander Sawjuk, 9. Dr. Jaroslav Siokalo, 10. Nikolaus Winnicki, 11. Kornel Senik, 12. Johann Maszczak, 13. Markil Rastawecki, 14. Demetr Wislocki, 15. Johann Stranczak, 16. Eustahius Ciuk, 17. Johann Andrejko, 18.Theodor Mochnacki, 19. Alexander Milanicz, 20.

Methodius Trochanowski, 21.Theodosius Durkot, 22. Mikola Gromosiak, 23. Luka Staricki, 24. Jakim Gazjuk, Wien, 13 April 1916, G.Z. A 295/14, k.k. Militaranwalt des Militarkommandnten in Wien. 306 S. Fol. Аналогичный обвинительный акт составлен этим же военным прокурором в деле депутатов Д-ра Д.А. Маркова, В.М. Куриловича, адв. Д-ра К.С. Черлюнчакевича, крест. Дьякова, мещ. Мулькевича, публициста Янчевецкого в 1915 году. 300. Balan Teodor, Dr. - Supriniarea miscarilor nationale diu Bucovina pe timpul razboiului mondial 1914-1918.

Cernauti, 1923

301. Blumental Hermann. - Galizien. Dritte auflage.154 S. В очерке «Die Schalcht bei Lemberg» автор рассказывает о повешении 28 крестьян из деревни Потоковец (?) за мнимую помощь русским в нападении на Сокаль. В качестве свидетелей обвинения выступают студент украинец Дмитро Прокоп из

Тартакова, который воодушевленный воззванием «Дила» заявляет о своем постановлении поступить в «Сичевые стрельцы», польский кузнец и еврейарендатор. (Происшествие имело место перед 19 августа 1914 года). Под датой 19 августа упоминается об эскортировании жандармам массовых партий крестьян-русофилов и о хулиганском выступлении ввиду арестованных уличной толпы. Под датой 30 августа говорится об обращении митр. Шептицкого с предостережением перед насильственным обращением с руссофилами, поскольку не исключено временное занятие города неприятелем. Под 31 августа сказано о транспорте заключенных из тюрьмы «бригидок» на вокзал и об нападениях толпы. Об «измене» русских крестьян упоминается тоже на стр. 75, 76, 84

302. Bobrowski Marjan dr., wiezien thalerhofski. - Z okazji obchodu thalerhofskiego. «Wiek Nowy», Lwow, 1934, Nr. 9888 303. Cerkiew unicka we wschodniej Malopolsce w czasie inwazyi rosyjskiej (1914-1917) (podr. x. M. St.) Fakty i refleksye. Lwow, 1920. 80 str. (Odbitka z «Gazety Koscielnej»). В брошюре указано, что австрийцами арестовано не менее 350 русских священников, из чего в самом Талергофе интернировано 300.

304. Co psal cesky tisk o resi poslanse Stribrneho. «Nedelni list», Praha, 1937, Nr.163.

305. Daszynski Ignasy. - Pamitniki. Т.И. Krakow, 1926. 348 str. Str. 200 «Cesarz bul juz czlowiekieni zgrzybialym (mial 85 lat) i trafil wplyw z kazdym dniem. A naezelna komenda armij austro-wegierskiej od wrzesnia (1914) stawala sie coraz bardziej nieroezytalna wobee ciezkich klesk na polu bitew we wschodniej Galieji i w Serbji i wietrzyła w najglupszy i najnikczemniejzzy sposob «zdrade dokola! Juz wowczas rozpoczely sie straszliwe wieszania chlopow, ksiezy rusynskich, zydwow «za wskazywanie drogi Moskalom. Najniewinniejzzych ludzi wieszano bez sadu dziesiatkami na drzewach przydroznych. Setki procesow najdzikszych wytaezano roznym nieszczesliwcom. Odznaczali sie pray tem i andytorowie Polacy, jak n. p. niejaki Zagorski, adwokat ze Lwowa, dzisiaj podpora miejscowa «narodowego» obozu. Wyroki smierci padaly jak grad. Kleski szly zakleskami, a Polakow i Rusynow winiono o to, ze nedznicy austrjaccy na posterunkach generalskich przegrywali bitwy!.. Niewiele narazie tych wszystkich okropnoscí dochodzilo do naszych uszu.» (Vide str.

205, 206, 268-269).

306. Dlugosz Wladyslaw. – Mowa wygloszona dnia 14 grudnia 1917 r. W komisji wojskowej delegacji austrjackiej.

Krakow, 1918.

(Vide Lasocki, str. 90). «Lezy przedemna rozkaz krajowej komendy zandarmerji Nr. 5, Exhibit Nr. 403 Res. Do wszystkich komendo, oddzialow i posterunkow zandarmerij, w ktorzym komendant zandarmerij, podpulkownik Naganer, wzywa, zandarmow po raz ostatni, ady sie ocneli ze slabosei, uwolnili od skrupulow prawnych i najsurowsza bezwzglesdnoscia wystepowali przeciw kazdemu podejrzanemu. Ta sama komenda zandarmerji w rozkazie datowanym Lwow, 20 sierpnia 1914, Exhibit Nr. 68 Res. Nakazuje zandarmom, aby podejrzanym o zdrade nie odstawiali do sadow wojskowych, ale aby po krotkiem przesluchaniu ich i swiadkow i po krotkim protokole w krotkiej drodze podejrzanym rozstrzelowali. Rozkaz tejze komendi zne brzmienie:

«Na rodstawie wydanego rozkazy z 16 sierpnia 1914r. Nr. 403 Res. Należy wobec wroga każdego podejrzanego o zdradę w krótkiej drodze zglądzie ze świata». (Ibid. str. 91). «Jak długo ludność naszego kraju znajdowała się w tej strasznej opresji, jak długo zandarmi mieli u nas prawo decydować o śmierci obywateli, widąc z faktu, że dopiero dnia 7 stycznia 1916r., krajowa komenda zandarmerji uznała za wskazane wydać następujący rozkaz: «Zawiadomie wszystkie posterunki, że karać smitrsia bez sadu nie wolno. Użycie broni dozwolone tylko wedle 19 ustawy i 65 instrukcji służbowej». (Ibid.)

307. «Dziennik Ludowy». Lwow, 1924, Nr. 287, 288, 290, 291, 292. (Dr. Stanisław Zagórski).

308. Едина незнайна Голгота на руския народ в източна Галиция – Талергоф. «Славянски Глас», София, 1934, кн.2. 309. Fida Adolf. - Tragedia Thalerhofu. W 20-ta rocznice powstania «obozu śmierci». «Gazeta Poranna», Lwow, 1934, Nr. 10672.

310. Filar Władysław dr. – Wspomnienia wojenne niewojującego Stryj w sierpniu 1914. «Gazeta Poranna», 1934, Nr. 10743, 10744, 10745 i nast.

311. «Grazer Tagblatt», Graz, 7.IX. 1914.

312. Grzedzielski Wł. – Przemysł im Weltkriegu. (Dr. Mieczysław Orłowicz, Illustrierter Führer durch Przemysł und Urgebung, Ltvbtrg, 1917, S.88-107).

313. Гапек Я. – Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Пер. с чеш. П. Богатырева. М., Гослитиздат, 1956, 751 стр. (В этой едкой сатире на австро-венгерскую военщину имеются тоже интересные эпизоды о полевых судах, вешании людей за руссофильство, о концентрационных лагерях и проч.).

314. Navelka F.J. – Zapisky z vyhnanstvi. Praha, 1920.

315. Navelka F.J. - На итальянские позиции и обратно. Воспоминания из всемирной войны. Прага, 1925. 76 стр. с илл. (На чешском языке). (Эта книга, как и остальные печатные памятники проф. Гавелки («Записки из изгнания», «Дети-мученики» и др.) об ужасах в австро-венгерских лагерях Талергофа, Геленсдорфа и пр. Содержит много рефлексий на довоенное время и на новые переживания во время войны – она бросает луч света на ужасное положение славянских народов под игом Австрии, а особенности на положение русских и чехов. См.

«Русский Голос», 1925, №122).

316. Hold ludności ruskiej. «Gazeta Lwowska», 1929, Nr.261.

317. Im Namen Seiner Majestat des Kaisers! K. K. Landwherdivisionsgritht in Wien, Dst. 70/14/ 945, Wien, 17. Februar 1917.69 S. Fol.

Приговор по делу Д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца и тов.о государственной измене, которым 16 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение.

318. Istota moskalofilstwa «starorusinow» galicyjskich. «Biuletyn polsko-ukrainski», Warszawa, 1935, Nr.5(92). 319. Kantineure im Thalerhof. «Neue Freie Presse», Wien, 18/6 1916.

320. Karbulitzki Narion.–Die Henkerein in der Bukowina. Schluss zur Polemik mit Oberst Seeliger aus Anlass der von General Fischer erschienenen Memoiren

- «Warum Tauzende sterben mussten». Cernauti, 1929, 24 S. (Русский перевод Р.Д. Мировича, 1962).
321. Klein E.–Ulanenritt. «Neue Freie Presse», Wien, 1914, Nr. 18008. (Перевод: «За що?»—см. «Ил. Календарь о-ва им. М. Качковского на г. 1920», Львов, 1919).
 322. Kulisova Tana.–Mala pevnost Terezin. Narodnihrbitor Ghetto. Praha, 1961.
 323. Karpacki Jeniec. «Słowo Polskie», Lwow, 14/xii 1914, Nr. 563. («Piotr. Ajencia tel. dn. 13/1 b. m. Donosi, ze jeniee austryjacki, podofieer pochodzacy z Galieji, wziety na przelezy Wyszowskiej, opowiada, ze podczas ofenzywy Austryjakow na Doline nie byla wioski, w ktorejby oni nie powiesili 2-3 ludzi. Wieszali wegierscy zandarmi polowi wedlug wskazowek miejscowych zydzow. Zydzi podezas cofania sie Austryjakow wszyscy uciekli za austryjackimi oddzialami. Opowiadajacy spotykajal ochotnikow ukrainskich z posrod Huculow. Przeklinali oni swych przewodcow, ktorzy ich namowili do walki w austryjackich szeregach».
 324. Nad hrobem 1767 muceeniku. «Nedelni list», Praha, 1937, Nr. 163.
 325. Ku czci b. wiezniow Thalerhofu. Imponujace uroczystosci starorusinow we Lwowie. «Gazeta Poranna», Lwow, 1934, Nr. 10. 673.
 326. Lasocki Zygmunt.–Polacy w austrackich obozach barakowych dla uchodzcow i internowanych. (Wspomnienia z czasow wojny swiatowej bylego posle do parlamentu austrjackiego), Krakow, 1929. 313 VII str.
 327. Lfsocki Z.–Речи в австрийском парламенте 12/7 1917 г. И 12'3 1918 года. Stenographisches Protokoll. Haus der Abgeordneten. XXII Session. 18 Sitzung, S. 919... und 71. Sitzung, S. 3600...
 328. Lasocki Zygmunt.–Wychodztwo wojenne. «KurjerLwowski», 1915, Nr. 193.
 329. Lipinski Stanislaw.–Rusini (Starorusini). «Wola i czyn», Lwow, 1937, k Nr. 5.
 330. Lozynskyj Michael.–Die russische Propaganda und ihre polnische Gonner in Galizien. Nerausgegeben vom allgemeinen ukrainischen Nationalrat in Osterreich. Berlin, 1914.
 331. Orlowicz Mieczyslaw dr.–Jaroslaw, jego prezeszlosc i zabytki. (Przezornik ilustrowany). Lwow-Warszawa, 1921. 140 str. (str. 72: «Entuziazm na rzecz Austrii nie by! Jednak powszechny. Wladze wojskowe austrjackie nie robily sobie z malkontentami wielkich caremonji. Jeednych stawiano poprostu pod murami ratusza, gdzie ich rozstrzeliwano na podstawie zarzadzenia pierwszego lepszego niemieckiego lub wegierskiego oficera, a slady kul w murach ratusza swiadcza dotychczas o tym rodzaju wymiaru sprawiedliwosci austrjackiej. Innych, Przewaznie Rusinow z obozu t. Zw. Moskalofilskiego, wywieziono masowo do obozu internowanych w Thalerhofie kolo Gracu, gdzie wsrod okropnych warunkow higjnicznych i moralnych trzymano ich przez lat trzy». Str. 73: «Po zdumieni uwywołaniem przez nadspodziewany odporosyjski przyszla kolej na paroksyzm wscieklosci. Sztab austrjacki, na ktorego czele stal wrogo dla Polakow usposobiony arcyksiążę Fryderyk z Cieszyna, cheac oczyscic sie opinji austrjackiej i wegierskiej z poniesionych klesk, rozpuscil wieści, ze przyezyna niepowodzen austrjackich sa polscy i ruscy szpiegowie w Galicji i zaezeto tych szpiegow szukać. W Jaroslawiu, podobnie jak w innych miejscowosciach Galicji, rozpoczely sie masowe areztowania ludzi najniewinniejszych. Zaprawieni w bezmyslnych okrucienstwach honwedzi wegierscy, ktorym w historii tej wojny

- należy się osobna haniebna karta, szukalicych szpiegów ze szeregolnem zamilowaniem. Rozstrzelili wielu bez sadu, bez najmniejszych nawet indagacyj. Podpalanie wsi, rabunki i gwałcenie kobiet były na porządku dziennym»...
332. Peklo Solvanu v Thalerhofu. «Nedelni list», Praha, 1937, Nr. 163.
333. Perfecki Vladimir.—Verteidigungsschrift des k. k. Ldst. Feuerwerkers mit Einjahrig-Freiwilligen Abzeichen Vladimir Perfecki für die Offiziersversammlungen am 21 und 22 August 1918. (Из семейного архива).
334. Prajs Julia.—Krzywe litery. Warszawa, «Czytelnik», 1960.(Автор описывает живо события первой мировой войны на областях восточной Галичины вплоть до развала Австрии. Отмечает тоже злодеяния против русских Галичан со стороны австрийских властей и их «украинских» пособников, а также хулиганское отношение уличной толпы к арестованным; арест студента Ореховского, его заключение в Талергофе и затем высылка на итальянский фронт со штрафной маршкомпанией; арест священ. Гука и рассуждения на этот счет почтмейстера Альтмайера и др.).
335. Reinfluss Roman. – Ziemia lemowska przed polwieczem. «Kurjer literacko-naukowy», Lwow, 1935, Nr. 6.
336. Rozhovor s J Stribnym o reci thalerhofske. «Ntdtlni list», praha, 1937, Nr. 163.
337. Ronge Mak. – Разведка и контрразведка. М., Воениздат, 1935 и 1939. (Репресси, казни, политические процессы русских галичан представлены австрийским офицером-разведчиком, как следствие «государственной измены»). 338. Rozwadowski Tad. – Cos o Niemsach i yos j Wegrach. (Z pamietnikow jen. Tadeusza Rozwadowskiego). «Karjer literacko-naukowy» 12/6 1933. (Упоминается о повешании в окрестности Криницы на Лемковщине гр. кат. священника за то, что жаловался на грабеж мадьяр).
339. Skizypek Jozef. – Pizeglad ukrainskich opracowan i literatury pamietnikarskiej z okresu lat 1914-1918. «Ziemia Czerwienska», Lowjw, 1938, zesz, I, str. 100-106.
340. Sherber Waclaw. – Antomobilem pizez Galicje.Garse wrazen z podrozy specjflnego sprawozdawey «Ilustr. Kuryera Codziennego do Lwowa. «Ilustrowany Kuryer Codzinny», Krakow, 26/7 1915.
341. Stracenie Sandowieza. «Slovo Polskie», Lwow, 14/27 XII 1914, nr. 582.
342. Straszne sceny w Talerhofie, Wspomnienia z czasow grasowania soldatcski austrjackiej. «Ilustrowany Kuryer Codkienny», Krakow, 17/XII 1924 – za «Neues Wiener Journal» 14/XII 1924/ 343. Stvana ree velehradee Stribrneho «Nedelni list», 197, 3Nr. 163.
344. Stribny Jizi. – (Die Rede). Stenograprisehes Protokoll. Haus der Abgeordntten, XXII. Session. 6, Sitzung, 14. Juni 1917. S. 240-250.
345. Stribny Jizi. – Interhellftion des Abgeordnetn Jizi Stribny und Genossen an den Herrn Ministerratsprasidenten sowie den k.k. Minister des Innern, den k.k. Minister der Justiz und den k.k. Minister für Landesverteidigung, betreffend unbegründete Verhaftungen vom freien Staatsbürgern. Hads der Abgeordneten. 7. Sitzung der XXII. Session am 15 Juni 1917. Anhang II. Interpellationen, 198/1. Wien< 15 Mai 1917. Jizi Stribny, Slavicek, Roman Czaykowski, Karel Exner, Dr. Baxa, Lizy, Dr. Hubschmann, Stransky, A. Konecny, Bohumil Bradas.

346. Swieto Talerhofu. «Hustorowany Gonitc Wieczorny», L. 1931, Nr. 20.
347. Sxydlowski Tadeusz dr. – Ruiny Polski. Opis szkod wyrzadzonych przez wojne w dziedzinie zabytkow sztuki na ziemiach Malopolski i Rusi Czerwonej. Z 227 rycinam i marka oryeneacyjna. Krakow, 1919. 215 str.
348. «Talgof». «Z okazji jego 25-leeia». P.W.P. Nurt. Po udniowo-wschodniaagencja prasowa. Lwow, 1939, Nr. 23. (Перепечатка в польском переводе - одноименной статьи В.Р. Ваврика из газеты «Русский голос», Львов, 1939, № 118).
349. Torquemada z Thalerhofu. (Czyrowski). «Slovo Polskie», Lwow, 1922, Nr. 98 i 99.
350. Jeszeze.Torquemada z Thalerhofu. «Slovo Polskie, Lwow, 1922, Nr. 100.
351. Uroczystosci thalerhofskie we Lwowie. «Kurjer Lwowski», Lwow, 1934, Nr. 142.
352. Wielka uroczystosc Thalerhofcow we Lwowie, Ilustrowany Kurjer Codzienny», Krakow, 1934, Nr. 151. 353. Wolfgang Bruno. – Przemysl 1914/15. Wien, 1935, 186 S. (S. 23-27: «Einzelne Falle von Verrat mogen gewiss vordekommen sein. Aber fast unmoglich erscheint es, dassruthensche Bauern militarische Aufgadtn gelost haben sollten, die auch erfahrenen Truhhenoffizieren sehr schwer gefallen waren... Das Schreekgespents des Verrates starrt der erhitzten Phantasie aus allen Winkeln entgegen. Unzahlige werden verhaftet und der Schatten eines Vardachtes genugt als Beweis. Angeberei und Verleumdung bluhen. Viele der Verhafteten werden ins Innercder Monarchie gebracht. In den ruthenischen Dorfen Ostgaliziens hangen die Leichen dutzendweise auf den Baumen. Hunderte wurden kurzerhand nirdergechosen....
- Durch die Strassen der Festung zienen taglich unter strenger Bewachung Gruhhen von Verhafteten Manner, Weiber, Greise selbst Kinder.Ihre Mienen sind duster und hart. Sie wissen dass sie kein Erbarmen zu erwarten haben, dass ihr Leben nicht von der Gerechtigkeit, sondern vom Waten cines entfesselten Sturmes abhängt. Ein solcher Transport begegnet einer Abteilung ungarisher Husaren. Plotzlich ertont der wildt Ruf: «Schufte, Verrater, ihr auf uns geschossen». Die Reiter sturzen sich die Wehrlosen, ein kurzes, wutendes Ringen und die Gefangenen werden bis auf den letzten Mann niedergemarht. Die Magyaren galoppieren davon....»
354. Z dzialalnosei «Armce Oberkommando» w Galicyi. «Znicz»,organ Polskiego Komitetu Powiatowego w Stanislawowie, 1918, Nr. 9. («Z ogloszonych tajnych archiwow oslawionej A.O.K., ktorej naczelnikiem byl Fryderyk cieszynski, wynika, ze liezba niewinnych ofiar powieszonych i rozstrzelanych w Galicyi dochodzi do 70 tysiecy ludzi»). 355. Zjazd Talerhofcow, «Kurjer Lwowski», Lwow, 1934, Nr. 142.